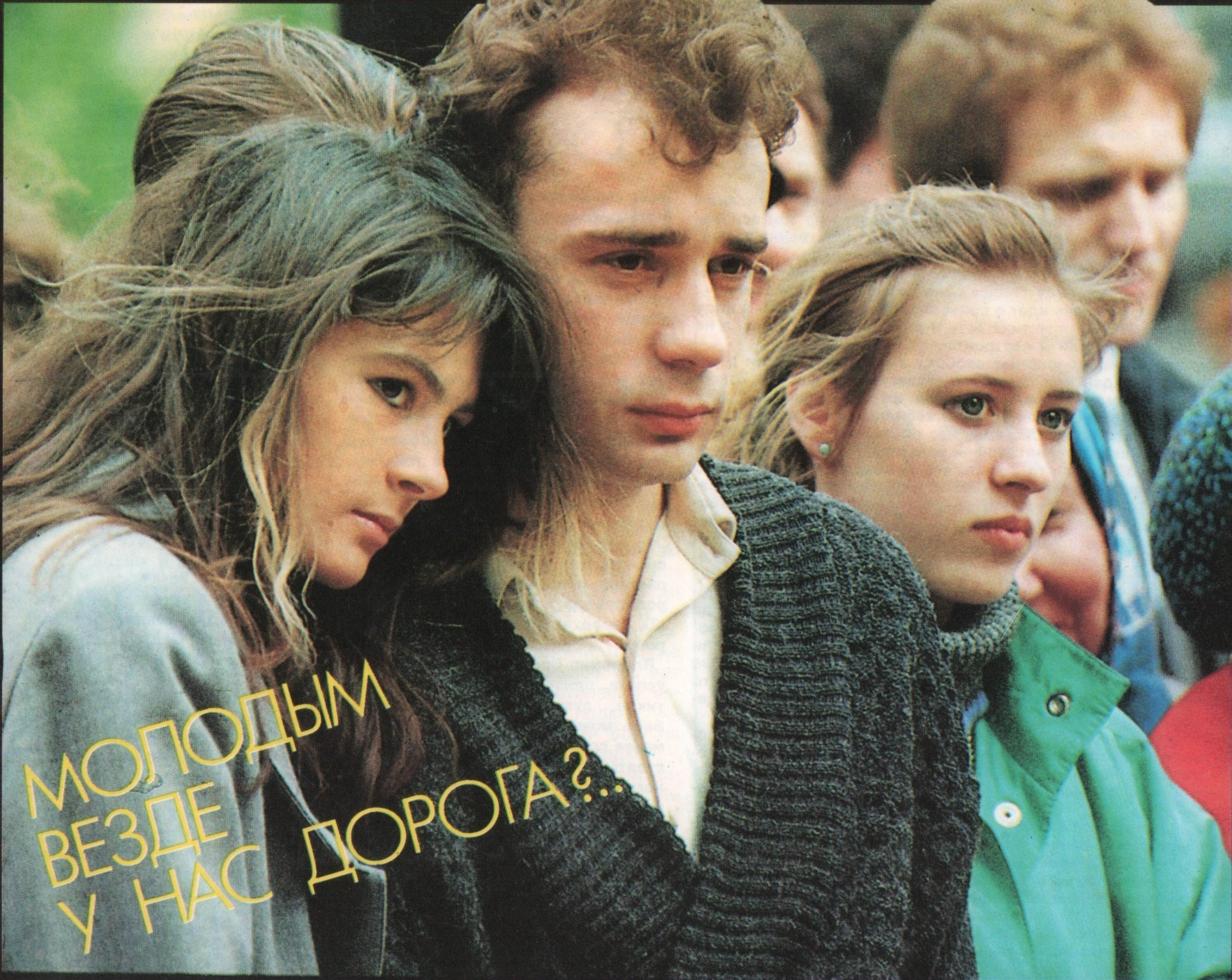

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

8/1990

КРУГОЗОР

МОЛОДЫМ
ВЕЗДЕ
У НАС ДОРОГА?...

1 А. Никитина. Воспоминания разведчицы
К диплому — на метле!

3 Н. Берберова: свидетель сурового века
Золотой голос Лючано Паваротти

5 А. Мордасов играет Рахманинова
Александр Городницкий — ученый и бард

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

7 8

9 10

11 12

«Роллинг Стоунз» — преемники «Битлз»
Эстрадный микрофон: Халина (Польша)

Поют О. Газманов и А. Пугачева
Пародии Александра Иванова

Дискотека в стиле ретро
«Комбинация». В группе только девушки

Индекс 70461

ISSN 0130—2698

Мы — страна многих парадоксов, но самый нелепый, по моему, когда в перестройке всей нашей жизни голоса пожелых людей звучат громче голосов молодых. Идеалы нужны всем, но молодым больше других. Когда развенчали тот строй жизни, который до апреля 1985 года определял все принципы, регламентировал все стороны нашего существования, многие восприняли это как крушение всего святого. К великому сожалению, немалое число людей и сегодня в том убеждено.

В последние десятилетия во многих капиталистических странах социальная защищенность трудящегося человека, уровень его жизни резко возросли. Политические режимы, институты власти, разные управленческие структуры заметно демократизировались. Мы же никак не можем все это до конца осознать, сбиваемые с толку засевавшими в головах стереотипами и понятиями, давно утратившими смысл, который в них когда-то вкладывали.

Так что социалистический идеал — не миф, не иллюзия, а реальность, в большей или меньшей мере обеспеченная в ряде индустриально развитых стран. И просто не стоит путать его с тем, с чем мы так долго имели дело.

Американец Гор Видал писал: «Всегда разумный Александр Герцен отвергал своего современника Маркса на том основании, что каждое поколение — это свой собственный мир, и чудовищно приносить его в жертву, превращая в Кариаиду, из последних сил поддерживающую свод не спроектированного здания, где будут плясать не родившиеся поколения».

Так что, когда речь идет о социализме, следует иметь в виду то лучшее, что на практике есть в разных странах мира, а не то, что мы строили и построили.

Демократия предполагает свободу выражения мысли в условиях гражданской зрелости общества и чувства ответственности его членов. Но откуда им было взяться? Как только кризисные явления дали себя знать в ходе демонтажа бюрократической системы, нас стали пугать развалом общества и как альтернативой — установлением порядка «железной рукой». Но кто решил, что демократия знает только слабую, рефлексирующую власть? Если у нас власть и в самом деле проявляла себя в подобном качестве, то демократия, как показывает мировой опыт, здесь совершенно ни при чем. Демократия предполагает сильную, даже жесткую (но ни в коем случае не жестокую) власть, неукоснительно опирающуюся на закон.

Если во время первомайского шествия по Красной площади появились плакаты, оскорбляющие достоинство народа и свободно избранной им власти, то в том повинна не демократия, а те, кто призван охранять ее от беззакония. Если «Память» может безнаказанно проповедовать реакционные взгляды, идущие вразрез с интересами общества и закона, то повинна в том не демократия, а, видимо, нежелание определенных лиц охранять ее от покушений.

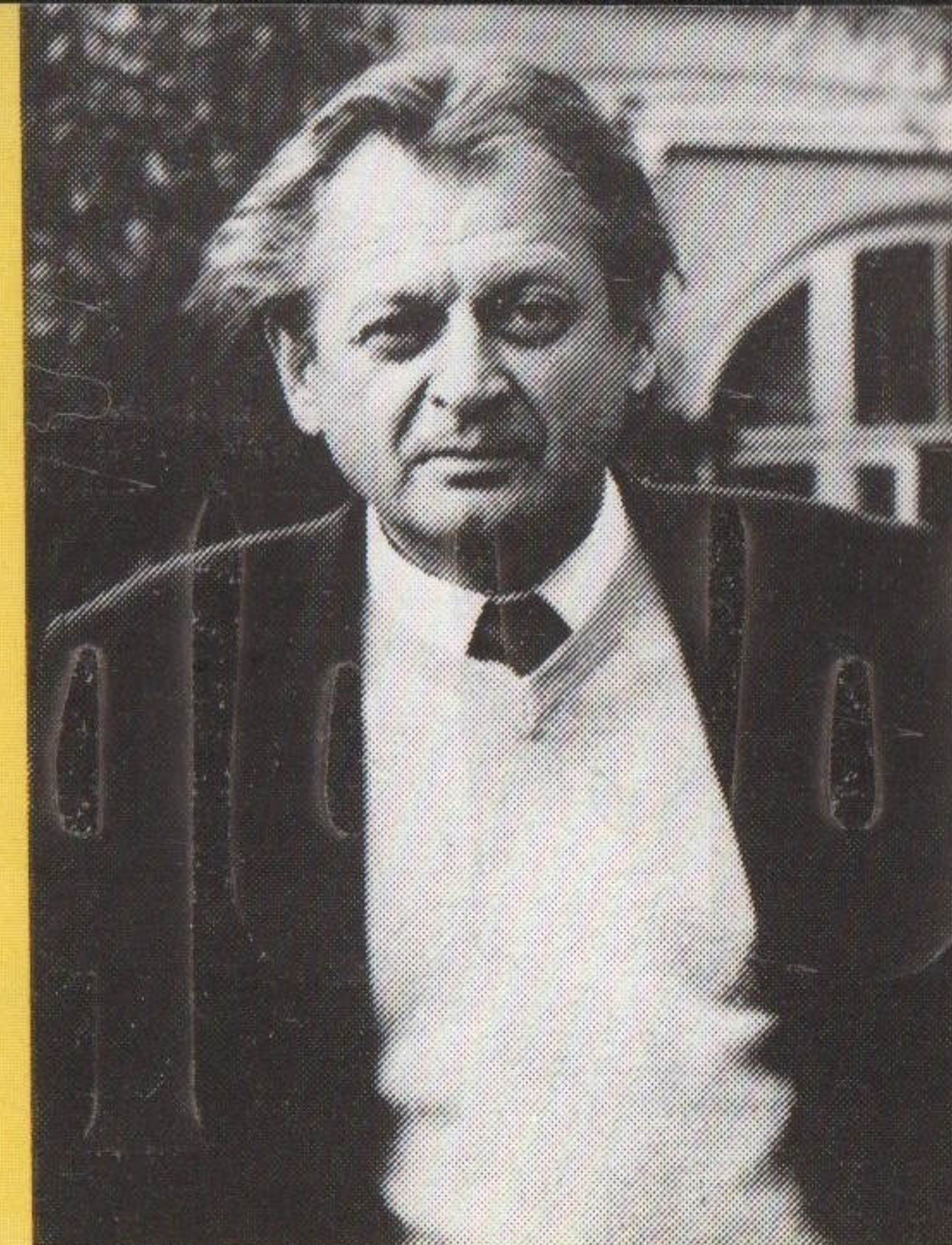
Сегодня стало уже очевидным, что наиболее труднопреодолимым препятствием на пути к эффективной рыночной экономике является барьер психологический, консервативное, догматическое мышление определенной части нашего общества.

Нам уже сто раз сказали, показали и доказали, что никакие усовершенствования целиком и полностью не оправдавшей себя централизованной командно-распределительной экономики ничего путного не дадут. Ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Любые попытки отвернуть в сторону от рынка толкают к еще большему развалу. Человечество за свою долгую историю не придумало в области экономики лучшего механизма, чем рыночный. А мы все боимся двинуться к нему, все глубже залезая в трясины нищеты и экономической беспомощности. Вопреки очевидностям, многие из нас цепляются за догмы, утратившие разумное содержание. Борьба с призраками, живущими в нашем сознании, — сложная борьба. Но она неизбежна. И молодым, меньше других подвластным предрассудкам, важно показать и здесь действенный пример.

Так что, дорогие молодые люди, нам есть — всем вместе — за что бороться, во имя каких идеалов тратить силы ума, сердца и рук своих. Но впереди в этой борьбе должны быть вы.

А. Д. Сахарова однажды спросили, не думает ли он, учитывая состояние здоровья, оставить свой нелегкий труд на общественном поприще. Все зависит от того, сказал ученый, «как более молодые примут на свои плечи ответственность, лежащую на мне».

Что бы вы ответили Андрею Дмитриевичу?

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

Поэтическая судьба Владимира Соколова как будто совершенно благополучна. Он сразу был признан всеми — и крайними авангардистами, от которых далек, и бескрайними традиционалистами, к которым близок. Близок, но не настолько, чтобы стать рабом традиции. Особенность поэзии Соколова как раз в том, что он преодолевает традицию, но делает это изнутри — мягко, искусно, ненарочито. Вот и получается, что мы, зачарованные приметами «классического письма», не замечаем, как твердо и точно вводит Соколов в свои стихи тревожные и горькие реалии нашего времени. Это не всегда реалии в прямом смысле, они скорее проявлены в характере, психологии лирического героя (правда, здесь в отличие от века XIX герой всегда совпадает с автором).

Владимир Соколов, рано достигнув успеха, признания читателей и критиков, сумел не «забронзоветь». Быть может, в наши времена это не менее сложно, чем сто лет назад выстоять, не дрогнув под дулом дуэльного пистолета. Ведь так легко поверить в то, что достиг своей вершины, и с царственной небрежностью принимать подношения современников! Но Владимир Соколов все время заставляет себя начинать с белого листа. Может быть, поэтому в каждой новой книге поэт преобразается, оставаясь самим собой. Это его загадка. Или, говоря возвышеннее, тайна. Соблазнительно разгадать ее, поверить гармонию алгеброй, но, на верное, это так же невозможно, как невозможно понять магию простых слов:

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый,
Неповторимый венец.

Довольно с нас и того, что она, гармония, есть.

Александр ЛАВРИН
Фото Н. КОЧНЕВА

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных
записывать в художники.

Петр I

Забавна эта мысль Петра.
Но как мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.
Мне интересен лик его
В тот миг,

когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел?

Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул.
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную — и глянул.

И увидал, как на страду —
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачноприжитые.

И, маясь дивною судьбой,
Находят лад, и знаменито
Всей неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.

Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что — жизнью обделен! —
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и больнее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости, —
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

Мчатся тучи...

А. Пушкин

«Натали,
Наталя,
Ната...»
Что такое, господа?

Это, милые, чревато
Волей божьего суда.

Для того ли русский гений
В поле голову сложил,
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе
служил.

Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.

Наконец-то все! Правда восторжествовала. Александру Маринеско посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Но радость эту омрачает предшествующая долгожданному событию история.

Поэт-фронтовик Борис Слуцкий сказал: «Когда мы вернулись с войны, я понял, что мы не нужны».

Сколько их по Отчеству — бесправных и беспомощных инвалидов войны, вдов, престарелых ветеранов! В самую трудную пору Родина обратилась к ним за помощью, и они встали на ее защиту. Но после Победы многие из них вынуждены до конца дней своих обращаться за помощью к Родине. Какой стыд! Для нас прежде всего.

Как могло случиться, что победители оказались столь беззащитны, бедны и лишены всякой опоры? Не только нищие, не просто нищие, но и гонимые. Тут еще и «закономерность». Чем отважнее и независимее был герой в войну, тем более гонимым и беспомощным он оказывался потом.

Александр Маринеско. Великий воин, «подводник № 1». Потопление им «Вильгельма Густлова» на Балтике западные исследователи окрестили как «атаку века». Сре-

хватало даже на лекарства, в тяжелых мучениях (рак пищевода и горла).

В ФРГ, в Киле, у входа в гавань, стоит памятник погибшему морскому титану «Вильгельму Густлову». А когда несколько лет назад в Лиепае на деньги моряков был поставлен памятник Маринеско, по распоряжению Политуправления ВМФ фамилию Героя с памятника убрали — ночью, по-воровски.

Всем возмущавшимся Политуправление объясняло акт вандализма просто: фамилия командира значится в общем списке экипажа на плите, решено ее вторично на памятнике не обозначать. Не знаю, «вторично» — это много или нет. Но, если много, уберите фамилию с общей плиты, верните на место. Ведь белорусский скульптор Приходько при всем уважении ко всему экипажу создавал памятник именно Маринеско, ему лично.

Маленькое отступление на тему «много-мало». Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота рекомендовало музеям не вывешивать индивидуальные фотографии Главкомов. Но вот в Центральном музее Военно-Морского Флота в Ленинграде красуется парадная фотография: Главком тов. Чер-

НАГРАДЫ ЗА МУЖЕСТВО

Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик

О присвоении звания Героя Советского Союза активным участникам Великой Отечественной войны 1941—1945 годов

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно):

Висантову Мавлуду Алероевичу — подполковнику.
Зеленко Екатерине Ивановне — старшему лейтенанту.
Кардашову Коб...

Литвак Лидии Владимировне — старшему лейтенанту.
Маринеско Александру Ивановичу — капитану 3 ранга.
Мельшикову Сергею Фроловичу — подполковнику.
Мировому Алекс...

ПЕРСОНА «НОН-ГРАТА» — ГЕРОЙ!

ди более чем 7000 пассажиров было 3700 специалистов-подводников — экипажи для 70—80 подводных лодок, генералы, высший офицерский состав. Это была величайшая морская катастрофа за все века мореплавания. И западногерманские, и шведские исследователи задавались простым вопросом: почему командир подводной лодки «С-13» Маринеско не Герой Советского Союза? И делали наивный вывод: видимо, советское командование не поверило в фантастические победные результаты Маринеско.

Как объяснить не только западным специалистам, но и любому западному человеку (это невозможно понять), что дело всего лишь в том, что мы ценим только уставных, послушных героев? А Маринеско, лихая душа, ни перед кем не заискивал, к тому же перед походом загулял в новогоднюю ночь и вовремя на базу не явился, что и послужило поводом для гонений и травли его до конца жизни. Он был даже судим после войны, сидел на Колыме вместе с полицией, предателями Родины. Теперь мы знаем: невиновен! И умер в 1963 году в одиночестве и нищете, маленькой пенсии не

навин вручает орден крейсера «Киев». Вот еще: Главком тов. Чернавин вручает золотые медали и дипломы выпускникам академии. А вот Главком тов. Чернавин на крейсере «Слава» среди экипажа. Как же так? «А это не индивидуальные, а групповые фотографии», — объяснили мне, не смутясь, работники музея. Но вот и индивидуальная, крупная: у перископа подводной лодки. «А здесь товарищ Чернавин еще не Главком, а командир лодки», — снова объяснили мне, непонятливому, руководители музея. Я насчитал с полдюжину самых разных фотографий. Вот что значит угодливая изобретательность политорганов — можно увесить хоть всю стену фотографиями Главкома и при этом не нарушить рекомендацию Главпура.

Три года пришлось мне с помощью «Известий» вести борьбу с руководством Министерства обороны СССР, командованием Военно-Морского Флота, борьбу неравную, почти безнадежную.

После публикации истории с осквернением памятника Маринеско в Лиепае ни руководство Министерства обороны, ни командование Военно-Морского Флота

На фото: открытие памятника А. Маринеско в Ленинграде. Май 1990 г.

* О подвиге А. Маринеско «Кругозор» неоднократно публиковал материалы и письма читателей.

не ответили редакции. «Известия» выступают вновь. Речь идет о прижизненном гонении героя, о его смертной травле, организованной политорганами ВМФ («Не только в памяти хранить»). И ничего! Начальник отдела Политуправления Балтфлота капитан 2-го ранга Н. Ильин вообще искажает факты: атакой руководил, дескать, не Маринеско, а старпом, намекая, что командир, мол, был пьян; команда жаловалась на Маринеско — он-де пропивает их пайки...

Но члены-то экипажа живы, кричат — ложь! Газета вторит — ложь, клевета! Военный прокурор Балтийского флота В. Коновалов, генерал-майор юстиции, отвечает: Ильин имеет право — «плюрализм мнений». Как объяснить генералу, что и плюрализм, и гласность — это возможность говорить правду, а не бесстыдно лгать? Газеты, журналы, читатели — ветераны войны ставят вопрос о присвоении Маринеско звания Героя Советского Союза, а начальник Полит-

плотные», и даже бескорыстный скульптор — шкурный.

А главный вывод молодого капитана 3-го ранга Вербицкого — об атаке «Густлова»: «С точки зрения военно-морского искусства, тактики эта атака ничего выдающегося из себя не представляет».

Публикации кощунственно приготовили к 25-летию со дня трагической смерти А. Маринеско. Их перепечатала газета Черноморского флота, затем с опозданием, но без сопротивления — газета Тихоокеанского флота. И только Северный флот, кажется, устоял. Отказался.

Зато на выручку поспешила «Красная звезда». На ее страницах другой молодой капитан 3-го ранга. — О. Одноколенко подозревает в корысти даже тех, кто вступался за Маринеско. Так, Нарком флота Н. Кузнецов, оценивший по достоинству личность Маринеско, оказывается, таким путем «забывал симпатии» у народа.

Ну как с этим бороться? Ведь все архивы по «С-13» ВМФ СССР спрятаны под замок. Обратился офицер, бывший командир боевой части «С-13» Яков Спиридонович Коваленко с просьбой допустить его в архив своей же подводной лодки, но первый заместитель начальника Главного штаба ВМФ вице-адмирал Д. Комаров отвечает: «Нецелесообразно».

Тысячи людей требовали наградить А. Маринеско Золотой Звездой Героя. А заместители начальника Политуправления ВМФ В. Захарцев и В. Лосиков отвечали по стандарту: заслуги Маринеско уже оценены по достоинству.

Во все время находятся верно-подданные, готовые вынести и привести в исполнение любой приговор. Но не это самое грустное. Отличая русскую историю от прочих зарубежных, Владимир Ходасевич писал: «Дантесы и Мартыновы сыщутся везде, да не везде у них столь обширное поле действий».

И «поле действий» бесконечно, и механизм оцепления безупречен. Это и есть самое прискорбное. История борьбы за светлое имя и героическую честь Маринеско показывает: за правое дело даже в безнадежных обстоятельствах бороться можно и нужно. Теперь, когда имя Александра Маринеско, наконец, очищено, он — Герой, возрадоваться бы всем нам. А все равно грустно, стыдно: через 45 лет после войны, почти через 30 лет после его смерти...

Остается надежда. Может быть, теперь, когда мы пытаемся заняться переоценкой ценностей, эта горькая история поможет нам хоть немного, хоть в малой степени разобраться в нашей короткой жизни — не только кто есть кто, но и кто есть мы все.

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ

«ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ»: РЕПЕТИЦИЯ ГЛАСНОСТИ

Рассказ К. Паустовского «Городок на реке» впервые увидел свет в альманахе «Тарусские страницы», который тридцать лет назад стал талантливым, мужественной и драматичной попыткой обновления нашей литературы.

Ветры XX съезда, очищающие общество от кошмаров сталинизма, достигли и литературных просторов. Надежды служителей муз сбросить наконец-то с себя путы фальши, серости и вынужденного лакейства были столь искренни и сильны, что идущая в то же самое время травля Б. Пастернака и В. Дудинцева, изничтожение «Литературной Москвы» казались многим досадными недоразумениями, а не началом наступления новой эпохи безгласности. Пропуском в сборник «Тарусские страницы» стал талант. Из океана рукописей, захлестнувшего Калугу, он явил читателям тех, кто уже был или станет в будущем гордостью нашей литературы. Неизвестные стихи Н. Заболоцкого, М. Цветаевой и рассказ Ю. Трифинова, очерки Ф. Вигдоровой, Н. Мандельштам и неизданная повесть Ю. Крымова, главы из книги К. Паустовского «Золотая роза»... Альманах, по сути, открыл таких прозаиков, как Б. Окуджава, Б. Балтер, Вл. Максимов, Ю. Казаков, поэтов Н. Коржавина, Арк. Штейнберга, Б. Слуцкого, Вл. Корнилова, Д. Самойлова, Н. Панченко. Именно на страницах многострадального альманаха многие из них заговорили по-настоящему свежо и сильно.

Современному читателю странно, как могли «Тарусские страницы», не содержащие решительно никаких идейных споров, полемики, никакой политики, вызвать такую ярость литературных генералов. Но крамола и потрясение основ были именно в том, что из-под асфальта тоталитаризма начали пробиваться ростки чистого и свежего искусства, и это рассматривалось как прямая угроза «творцам» бездуховной и безликой нашей словесности. На авторов, редакторов и составителей сборника обрушила громы и молнии областная и центральная печать. Каждому предъявили не литературные, а политические обвинения, выдержанные в духе черносотенного доноса. М. Цветаевой — в позиции всепрощения, эстетской любви и растерянности перед жизнью. Вл. Корнилову, рассказавшему о полной невзгод и лишений жизни целинников, — в дискредитации морального облика покорителей целины. Поэтам Арк. Штейнбергу, Н. Коржавину, Н. Панченко и Б. Слуцкому, оказалось, недостает «чувства времени», а Е. Винокуров «страдает отсутствием ясной, определенной мысли и натуралистичностью описаний». Не пощадили и признанных К. Паустовского и Н. Заболоцкого.

Постановлением бюро Калужского обкома партии выпуск альманаха был прекращен. Хотя на него пришло огромное количество заявок, а издательство стало вылезать из финансовой трясины. Начался настоящий разгром. Были сняты с работы директор и главный редактор осмелевшего Калужского издательства, а само оно в назидание другим потеряло самостоятельность, превратившись в филиал Приокского.

Сегодня ясно: одна из первых попыток творческой интеллигенции говорить собственным голосом, показывать жизнь такой, как она есть, — эта попытка в то время была обречена. Но семена, брошенные в шестидесятые, не пропали. Они прорастали, готовя процесс обновления более глубокий, чем хрущевская «оттепель». И сегодня, упиваясь неслыханной доселе свободой в творчестве, нам следует помнить о тех, кто начинал.

Елена ЗОРИНА

Я живу в маленьком городе на Оке. Он так мал, что все его улицы выходят или к реке с ее плавными и торжественными поворотами, или в поля, где ветер качает хлеба, или в леса, где по весне буйно цветет между берез и сосен черемуха. Городок этот вплотную входит в сельскую жизнь. Гул тракторов по окрестным полям сливается с пронзительными и требовательными гудками окских буксиров. Обширные огороды окружают городок буйной зеленью, цветением картошки, запахом помидорных листьев. С берега Оки во все стороны открываются сияющие дали, близкие и далекие планы лесов — от светлых и серебрившихся под солнцем до загадочных и темных, сохранивших в своей глубине журчанье ручьев и шумящие кроны столетних дубов и сосен...

Если бы были живы такие писатели, как Лесков или Мельников-Печерский, то городок на Оке дал бы им богатую пищу для рассказов о простом и замечательном русском человеке...

Есть в нашем городке печник Митя — слабый здоровьем и немешливый, кладущий печи по своему способу — виртуозно и быстро. Оказывается, в печном деле есть свои секреты, свои законы, и нет у Мити ни одной печи, похожей одна на другую.

Никто так точно, как он, не знает законов тяги и нагрева кирпичей, не знает всей сложности русской печи и всей практической «унтермарка». Споры Мити с другими печниками, все его разговоры о печах слушаешь, как живописное исследование, иной раз — как поэму. По словам Мити, мастер без выдумки, без воображения есть «фитюлька» и халтурщик.

Таких мастеров с воображением есть много в любой области. Человек сам создает вокруг своей работы поэтическое состояние. От этого работа спорится и просто сверкает в его руках.

Есть столяр Николай Никитич — знаток птиц. Больше всего он любит делать скворечники и птичьи клетки. Каждая вещь, что выходит из его рук, — «игрушка». Его клетки — это просто птичьи дворцы с мезонинами, антресолями, балкончиками и верандами. В этих клетках, будь они немного побольше, хочется пожить и человеку. Они обточены, нарядны и воздушны...

Николай Никитич больше всего любит щеглов — разноцветных и нарядных птиц, похожих издали на порхающие цветы. Очевидно, от нарядности этой птицы и произошло слово «щеголеватый».

Голосам птиц Николай Никитич подражает, не имитируя их, а придумывая иной раз слова и целые фразы, которые лучше

всего передают пенье и чириканье птиц. Так, чиж, по словам Николая Никитича, поет: «Пили коффе, пили ча-а-ай!», щегол кричит: «Стриг-лик», «Сриг-лик», а щур никак не может признаться своей подруге в любви и только заикается: «Влю-влю-влю-влив-влив».

В городке есть вышивальщицы, если можно так выразиться, с европейским именем... Вблизи Оки живут знатоки речного дела — промеров фарватера, постановки бакенов и буксировки барж при малой воде...

К городку этому давно тяготеют художники и писатели. В какой-то мере он уже становится литературным и художественным подмосковным центром. Хотя и небольшим, но все же центром.

Имена Поленова, Крымова, Борисова-Мусатова, Ватагина, скульптора Матвеева тесно связаны с городком. На многих полотнах этих художников вы увидите самые трогательные уголки нашего городка...

В этом городке жил незадолго до смерти замечательный наш поэт Заболоцкий. Он оставил несколько прекрасных стихотворений о городке, о ясности окружающей природы — очень русской, очень мягкой и очень разнообразной. Особенно хороши «Вечера на Оке».

*В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.*

*И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излуч.*

...Если все-таки вам интересно, о каком городе я писал, то, пожалуй, я назову его. Это — Таруса. Та самая Таруса, что лежит где-то на краю калужской земли. Туда вы теперь можете доехать на автобусе или приплыть по Оке на новейшем быстром катере...

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Фото М. САВИНА

ГОРОДОК НА РЕКЕ

Она могла стать владелицей крупной стоматологической клиники в Америке, куда звал влюбленный в нее врач. Или преуспевающим модельером в Австралии, куда приглашала обшиваемая ею восходящая эстрадная звезда, поражающая зрителей не только своим голосом, но и экстравагантными туалетами, сотворенными фантазией и руками Анны... Но она отказывалась от всех соблазнительных предложений и продолжала зарабатывать свой горький хлеб изнурительным трудом в небольшой пошивочной мастерской, экономя каждую копейку, потому что не была уверена в завтрашнем дне: в 60-е годы на Западную Европу то и дело накатывали волны безработицы; ей, как иностранке, тем более рассчитывать было не на что, ведь даже в лучшие времена работодатели старались всучить ей операции по-

проверяя работу сельских учителей. Как-то попутку, на которой она добиралась до Петрозаводска, обстреляли на бреющем полете фашистские самолеты. В тот раз пуля миновала ее, как минует еще много раз. То же чувство долга обязало Анну в пору опасности до последней минуты спасти школьное имущество и отправлять его по Ладоге на барже, которая чуть не затонула. И то же чувство звало ее ежедневно выходить на пытку холодом — пилить лед на Белом море, добывая на пронизывающем ветру «строительный материал» для авиационных ангаров. Уже в середине войны она прошла подготовку и была направлена в партизанский диверсионный отряд. Совершила трехсоткилометровый рейд в тыл врага, протаскив на себе по бездорожью неподъемный рюкзак с взрывчаткой весом

На фото вверху: «Аида» — А. И. Никитина в период работы на Западе (60-е годы); внизу: А. И. Никитина (лето 1990 г.).

ЭТО БЫЛО
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

«Любая трудовая победа на Родине вдохновляет разведчика, особенно если он один среди чужих...» — воспоминания Анны Ильиничны Никитиной слушайте на первой звуковой странице.

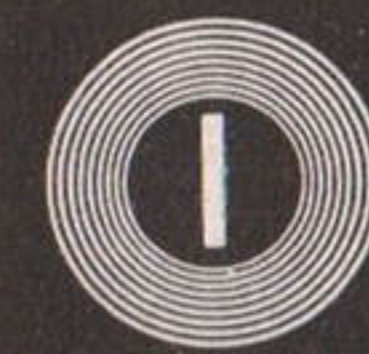

Фото Алексея ЛИДОВА

почти в 50 кг. Исхудав, оголодав и завшивев, разбив в кровь распухшие ноги, потеряв, нарвавшись на засаду, семь человек, отряд вернулся на базу через полтора месяца, выполнив задание: взорвано множество мостов, водокачек и других стратегических объектов. А вскоре Анне предложили работать в контрразведке. Длительное время была переводчицей в военном трибунале. Службу эту она вспоминает часто и без угрызений совести, ибо нет на ее душе греха, хотя и доставалось тогда волнений. Финским владела в совершенстве. Бывало, придет домой и все анализирует, восстанавливает в памяти весь допрос: «А все ли правильно перевела, так ли меня поняли? Утром бегу к следователю, снова все растолковываю. Я понимала меру ответственности, ведь решалась судьба человека.

Враг он или друг, но человек прежде всего...» И вот неожиданно-негаданно предложение из Москвы. И миллион терзаний. Ей, предававшей работу разведчицы по наумевшим трофейным фильмам, таким, как «Сети шпионажа» или «Женщина без прошлого», казалось, что на подобную службу приглашают редких красавиц с внешностью Греты Гарбо, элегантных, изысканно одетых, владеющих всеми видами оружия — от револьвера до стилета. И вращаться эта разведчица, в ее представлении, должна была среди сильных мира сего, посещая светские рауты и аристократические салоны. Словом, Мата Хари — рыцарь плаща и кинжала в юбке. Увы! Со многими иллюзиями пришлось расстаться. И на светские приемы простую швею не приглашали. И одеваться приходилось по-

и она была уверена, что ее запеленговали. Но ситуация разрешилась весьма прозаично. Оказалось, что две недели назад этот полицейский подвез ее соседку и, опаздывая на службу, попросил временно оставить свои личные вещи, за которыми теперь и явился. Соседка предупредила о возможном визите Анну, но она по привычке отсеивать ненужную информацию нарочь забыла и о полицейском, и о вещах... Когда блюститель закона, забрав свой сверток, удалился, Анна со стоном медленно опустилась на пол у двери, не в силах сделать ни шагу от пережитого за эти несколько мгновений. Ведь только сейчас она осознала, что была на грани провала! ...Двадцать пять лет минуло с тех пор, как возвратилась Анна на Родину, как сбылась такая понятная, земная, часто виденная во сне на

854 699 2 62 787 I2 758 I 84 2 302 4 02I I 250 I72

тяжелей и самые низкооплачиваемые. В ту пору Анне Никитиной было чуть более тридцати — время расцвета женщины. Она и была, как сказал поэт, «веткой, полной плодов и листьев», с той лишь оговоркой, что ветвь эта была отрублена от родного дерева, лишена своих корней на десять долгих лет. Много пришлось испытать ей за эти годы такого, что и иному мужчине было бы не под силу. В том противостоянии, в котором находились два мира в годы «холодной войны», Анне досталась роль Кариатиды. И тяжкий крест своей тайной работы она несла не за деньги, не за славу. Это может понять лишь тот, кто знает цену формуле «свой среди чужих». ...Когда ей предложили перейти на разведработу, она долго думала, сомневалась: «А смогу ли я, сумею ли?..» Несмотря на молодость, ей пришлось пройти отмеренный судьбой путь испытаний, начиная с детства, когда в многодетной семье зимой не каждому ребенку доставалась обувь, чтобы бегать в школу, и не каждый день здесь ели досыта. Зато труду, чести и долгу в этой семье обучали с младенчества. И потом, когда ее, деревенскую девчонку, жажда знаний привела в Петрозаводский педагогический институт, Анне тоже жилось не очень сытно и приходилось подрабатывать. А после выпуска, получив диплом учителя математики и имея возможность остаться в городе, она подалась учительствовать в далекую деревню. Это же чувство долга заставляло ее, ставшую школьным инспектором, мотаться по Карелии, отмеривать пешком многие километры,

МАТА ХАРИ
ИЗ ДЕРЕВНИ
УГМОЙЛА

средствам и соответственно своему социальному положению одинокой вдовы. Да и жилище всегда снимала весьма скромное. Не было в жизни разведчицы ни захватывающих погонь, ни засад, ни выстрелов, ни эффектного камуфляжа, ни завлекательных детективных сюжетов. Тогда что же было? Ежедневная, скрупулезная профессиональная работа, не исключая риска, но исключая провал. «Есть разведчики так называемой «белой кости», — говорит Анна Ильинична, — а я, скорее, чернорабочая разведки». Но ей были свойственны врожденный артистизм, холодный ум, твердый расчет, умение анализировать, сопоставлять факты, делать выводы, прогнозировать события — основные профессиональные качества. ...Однажды под предлогом генеральной уборки она выпроводила своих соседей отдохнуть за город, дабы не мешали ей мыть и драить. В считанные минуты вывезла всю грязь, отмыла до блеска окна и стены и, наконец, приступила к тому, ради чего и была «прокручена» все эта затея с уборкой, — расположилась в своей комнате с рацией для передачи шифровки в Центр. И вдруг резкий, требовательный звонок в дверь. Не открывать? Но звонок уже трезвонит не переставая. «Кто там?» — «Открывайте! Полиция!» Она мгновенно сдернула с себя юбку, свитер и набросила яркий красный пенюар. Широко зевнула и с недовольным и сонным выражением лица предстала перед полицейским, который, предъявив документы, попросил разрешения войти. «Дальше коридора все равно не пущу», — думала Анна: в ее комнате продолжала работать рация,

Западе мечта — забраться с ногами на высокую кровать, что стоит в маминной кухне чистенького домика в далеком карельском селе Угмойла. И мама принесет и брусники, и чаю, и всего, что ни пожелает ее любимая дочка, столь давно не приезжавшая в родную деревню и объяснявшая свое долгое отсутствие тем, что «очень уж ее в Москве неотложные дела держали». Так и не узнала мама и не знает до сих пор никто из родных, какие же такие дела задержали их Анну на целых десять лет. Она вернулась как будто из Зазеркалья. И, казалось, навсегда забыла все, что с ней происходило там, в разных странах, она будто снова стала сельской учительницей. Будто все, что с ней было, — это всего лишь длинный-длинный сон, который кончился и о котором никому поведать нельзя. Вот так и молчала она четверть века — скромная, никому не известная героиня, рисквавшая каждый день жизнью ради того, чтобы Родина жила спокойно. Окна ее крошечной квартирки в московской «хрущобе» выходят на новую школу, и, куда б ни направлялась Анна Ильинична, ей никак не миновать школьного крыльца. И когда она при мне делала внушение курящему пятикласснику, а он в ответ, насупившись, бурчал ей: «Да отстань ты, тетка!» — меня так и подмывало рассказать ему о ее героической жизни. Но теперь, я надеюсь, он прочитает эту статью и, может быть, посмотрит вслед этой «тетке» с уважением и любовью. А так как у Анны Ильиничны нет никаких наград за эту работу, так пусть теплый мальчишеский взгляд и будет ей наградой.

Любовь ТЕРЕХОВА

Известность к Халине пришла после шлягера «Нам двадцать лет», который она спела в 1987 году. Впрочем, сегодня популярной польской эстрадной певице Халине Бенедык немногим больше двадцати.

Еще в начальной школе после уроков она бежала в музыкальное училище, где занималась пением и играла на флейте. Пела с ровесницами в харцеровских ансамблях (харцеры — молодежная организация), участвовала в детском фестивале «Цвета дружбы», проходившем параллельно с фестивалем советской песни в Зеленой Гуре. Видимо, начало было обнадеживающим, если свою первую песню она записала в десятилетнем возрасте.

В 1981 году Халина отважилась принять участие в престижном конкурсе в Зеленой Гуре. Увы, никто не оценил ее стараний. Однако прошел год, и настойчивая Халина вновь предстала на сцене Зеленой Гуры. На этот раз к ней пришел успех: певице вручили приз — «Бронзовый самовар» — за исполнение песни из репертуара Аллы Пугачевой «Музыкант».

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С САМОВАРА

На восьмой звуковой странице Халина поет «Нам двадцать лет» (А. Малишевский, Т. Кордеуш) и «Белые ночи» (А. Малишевский, Я. Цыган).

Прошло три года. В Сопоте лихорадочно готовились к открытию фестиваля. Собрались все, не было только девушки, которая должна петь в дуэте с итальянцем Марио Антоцелли. И тут кто-то вспомнил о лауреатке «Бронзового самовара». Полетели телеграммы, и Халина примчалась в Сопот. Именно благодаря ей песенка «Фронтьера» стала популярной после фестиваля. Вышла пластинка, а Халина внезапно пропала. Ни слуху о ней ни духу. Оказалось, что девушка, не потеряв головы от успеха, начала учебу на Познанских вокальных курсах, которые окончила с почетным дипломом.

А еще через три года она — на фестивале польской песни в Ополе. Его организаторы подготовили интересную телевизионную программу из нескольких частей. После каждой новой части жюри определяло лучшую песню, с которой лауреат и выступал на фестивале. И вот на телевизионном экране появилась обаятельная девушка (вы, конечно, уже догадались, что это была Халина) и, как всегда, зажигательно, с огоньком исполнила песню «Нам двадцать лет».

Эта песня принесла молодой певице симпатии слушателей и взыскательной критики. Фирма «Арстон» тут же выпустила пластинку, прибавив к новому шлягеру песню «Сердце сердце догоняет». Пластинка разошлась мгновенно.

Первый большой диск новоявленной звезды под названием «Танцуй со мной, танцуй!» вобрал все ее лучшие песни, в том числе «Трамвай на Гавайские острова» и «Люби меня». Автором слов всех песен был Томаш Кордеуш, а музыки и аранжировок — Александр Малишевский, известный эстрадный дирижер, руководитель оркестра «Алекс-бэнд». С тех пор этот ансамбль стал как бы ее «Alma mater», так сказать, родным домом.

Кшиштоф РОЗНЕР

8

ЗНАКОМСТВА

Известие о том, что Лючано Паваротти, один из величайших певцов нашего времени, после 16-летнего перерыва вновь приезжает в Москву и выступит с сольным концертом в Большом театре, вмиг распространилось среди любителей музыки и, как и во время концертов звезд мировой оперы в сентябре прошлого года, вызвало огромный ажиотаж.

Надо сказать, что среди всех корифеев современного вокального искусства, которые приезжали в нашу страну, Паваротти стоял как-то особняком. Мы и знали его, и совсем не знали... Он приезжал к нам уже два раза, но что это были за приезды! Ни одного сольного концерта, ни одного спектакля с его участием! О его первом приезде в 1964 году, когда Паваротти был еще стажером театра «Ла Скала», как-то и упоминать неловко. Он спел две арии в заключительном концерте артистов «Ла Скала» (они сейчас изданы на отечественной пластинке).

Через десять лет, во время следующего приезда «Ла Скала», он был в блестящей форме, но спел только теноровую партию в «Рек-

ЛЮЧАНО

виеме» Верди. Это, конечно, много больше, чем участие в сборном концерте, но все равно полного представления об артисте, художнике, конечно, не дало. А затем перерыв в 16 лет, в течение которого мы пополняли свои впечатления об искусстве знаменитого певца при помощи грампластинок (главным образом зарубежных, потому что наша фирма «Мелодия» выпустила с Паваротти лишь два оперных комплекта — «Дочь полка» Доницетти и «Богему» Пуччини) и телевизионных трансляций, которых тоже было очень немного, но они запомнились — «Богема» из «Ла Скала», «Трубадур» из «Метрополитен-опера»...

Легко можно представить, с каким настроением шел я на сольный концерт Лючано Паваротти 3 мая. Наконец-то ожидалась первая полноценная встреча с артистом мирового класса. Правда, певцу сейчас 55 лет, для вокалиста это возраст хоть и не предельный, но уже достаточно солидный, и это обстоятельство не могло не насторожить, хотя, по отзывам прессы, он и сейчас ведет интенсивную творческую деятельность.

4

На четвертой звуковой странице Лючано Паваротти исполняет две арии из опер Пуччини: арию Калафа «Без сна» из «Турандот» (в сопровождении Лондонского филармонического оркестра под управлением Зубина Мета) и арию Каварадосси «Таинственная гармония» из «Тоски» (при участии Итало Тайо и Национального филармонического оркестра, дирижер — Никола Решиньо).

ПАВАРОТТИ В МОСКВЕ

Нам не повезло: певец выступал больным, и это не могло не сказаться на общем художественном впечатлении. Великого Паваротти, чей голос так потрясает в грамзаписях своей яркостью, блеском звучания и беспредельной свободой, мы не услышали. Конечно, остались его музыкальность, высокая исполнительская культура, чуткость к нюансам вокальной линии, но голос его словно уменьшился в объеме и далеко не во всех случаях был послушным инструментом в руках мастера.

В программе, которую певец предложил вниманию публики, преобладали камерные произведения: песни Беллини и Респиги, «Серенада» Маскани, сочинения Легренци, Россини, Денца, знаменитая ария Джордано «О, милый мой», которой Паваротти начал свой концерт. Оперных арий в официальной части программы было всего две: известная ария Орфея «Потерял я Эвридику» из «Орфея и Эвридики» Глюка и ария Рудольфа из оперы Верди «Луиза Миллер». На «бис» он исполнил еще две арии: Каварадосси из оперы «Тоска» и Калафа из оперы «Турандот». Каждая из этих арий была задумана артистом в своем индивидуальном ключе: камерно, лирически-проникновенно прозвучал у него Орфей, взрывчато-драматично — Рудольф, экспрессивно и пламенно — пуччиниевские герои, хотя, повторяю, не все было в его исполнении безупречно. Далеко нетрадиционным, гораздо более свободным, раскованным, даже с элементами импровизации, было его художественное прочтение двух популярных песен Тости: «Вукелла» и «Марекьяре».

Партию фортепиано блистательно провел известный концертмейстер и дирижер Леоне Маджера, работающий со многими выдающимися итальянскими вокалистами. Словом, эмоционально это было, конечно, огромным событием, и публика восторженно приветствовала знаменитого певца. Думаю, что и сам артист был тронут оказанным ему приемом. Весь сбор от концерта пошел в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении. Таким образом, практика благотворительных концертов в Большом театре уже становится прочной традицией, и будем надеяться, что она впишет еще немало ярких страниц в летопись музыкальной Москвы 90-х годов.

Всеволод ТИМОХИН

Фото М. и С. БЕРМЕНЬЕВЫХ

У Геркулесовых столбов
Лежит моя дорога,
У Геркулесовых столбов,
Где плавал Одиссей...

Я ничуть не преувеличу, если скажу, что редкий человек у нас в стране хотя бы раз не слышал эту песню. А многие знают ее наизусть и с удовольствием поют под гитару, как, впрочем, и другие песни Александра Городницкого, который имеет действительно — очное и близкое — знакомство с Геркулесовыми столбами. Сколько раз он проплывал мимо них, направляясь в очередное научное путешествие, известный в мировой океанологии специалист, доктор наук, руководитель лаборатории геомагнитных исследований Мирового океана Института океанологии АН СССР.

«Работе отдан весь без остатка», — говорят о людях, преданных своей профессии, своему делу. Я хотел было отнести это и к Городницкому, да споткнулся. Тут налицо парадокс: с одной стороны, он человек одержимый научной деятельностью, с другой — его песенное творчество уж никак не назовешь «остатком». Ну, подумайте, может ли таковым быть целый пласт в отечественной авторской песне, каким, бесспорно, являются произведения Городницкого? Но при разговоре с ним я ощутил, как обнаруженный мною парадокс раздувается до немислимых размеров. Ибо вот что заявил мой любимый бард:

— **Всю жизнь тяга к стихам не давала мне серьезно заниматься работой, наукой. А моя экспедиционная деятельность, наука всерьез мешали мне профессионально заниматься литературой. Тут хватать, как видишь, нечем. Спасает азарт. Я его испытываю и от того, и от другого. Может, поэтому я считаю, что мне в жизни выпал счастливый билет.**

Видимо, читатели уловили противоречия в откровенных признаниях Городницкого? Я тоже. И стал сам из них выбирать. И пришел к выводу, что мой собеседник относительно себя заблуждается, когда утверждает, что одно его любимое дело мешает другому. Иначе как бы он мог написать такие песни, как «Снег», «Деревянные города», «На материк», «Предательство»? Как бы сумел защитить докторскую диссертацию, совершить несколько научных открытий, издать три монографии и более двухсот печатных работ? А еще Александру Городницкому довелось неоднократно погружаться на подводных обитаемых аппаратах на океаническое дно. В позапрошлом году на аппарате «Мир» он опустился на глубину пять километров в Атлантическом океане. Воспоминание об этом начал так:

— Когда погружаешься на большие глубины, никогда не известно, чем это закончится. Как раз во время первого погружения именно такое ощущение у меня и возникло: зачем я тут, чего мне в жизни не хватало?! Но потом ощущение жути сменяется страшным, я бы сказал, мальчишеским азартом первооткрывания, и забываешь про все на свете.

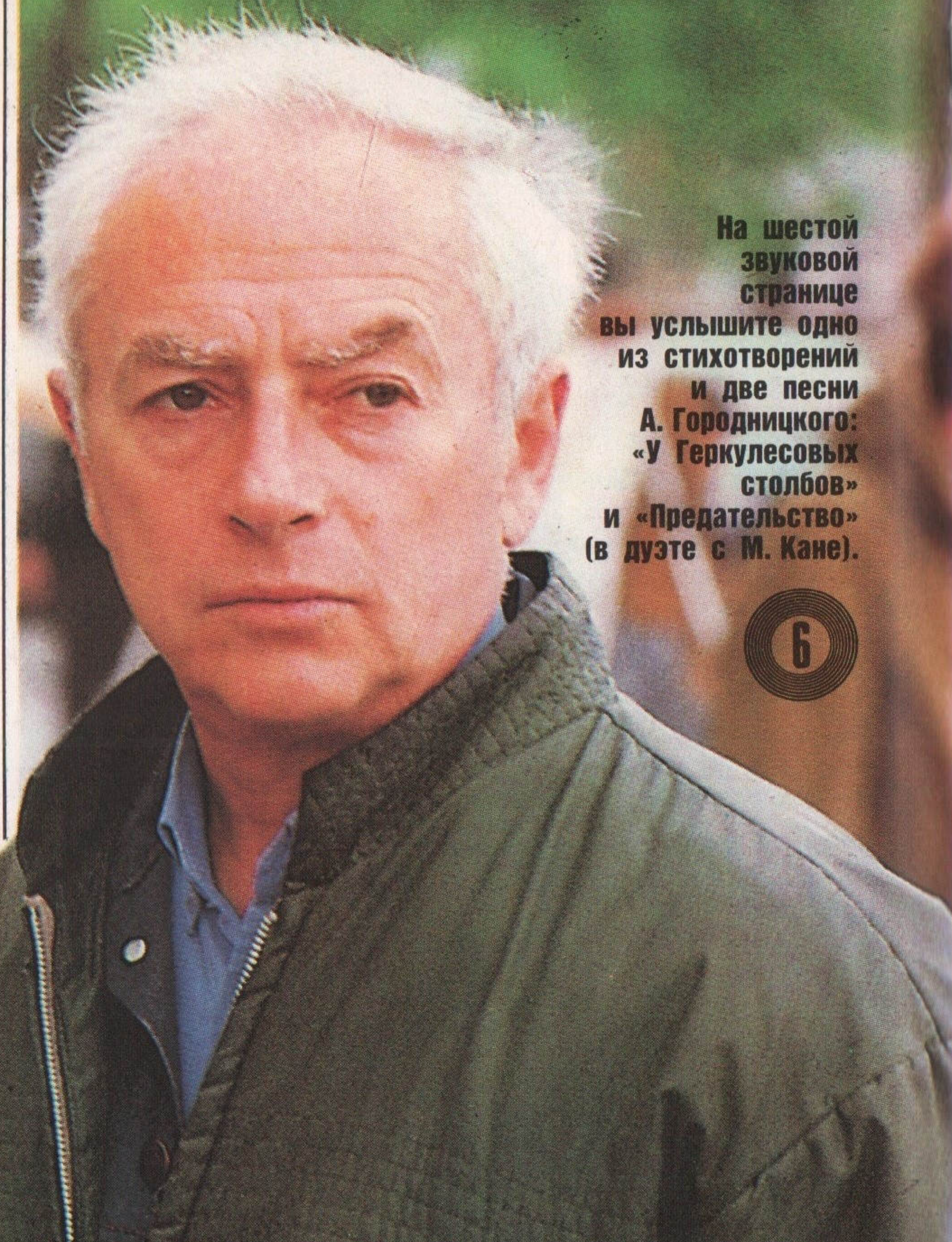
А не изуродуем ли мы, обживая, Мировой океан, не нарушим ли безвозвратно его экологическое равновесие, как уже натворили во многих весях?

— Нам всегда казалось, что главное — найти полезные ископаемые: нефть, особенно нефть, конкреции, содержащие никель, кобальт, железо и т. д. Мы вряд ли задумывались о том, что будет, когда мы начнем расковыривать дно Мирового океана драгами и весь деятельный придонный слой начнет разрушаться, и к каким это приведет необратимым последствиям. Океан — это то, чем мы дышим. И что в него ни выкидывай, ни выливай — это все окажется в наших легких. Далее. Океан — наш источник будущей и сегодняшней пищи: рыба, морепродукты и т. д. Короче, океан необходимо беречь, что мы поняли, к сожалению, только недавно.

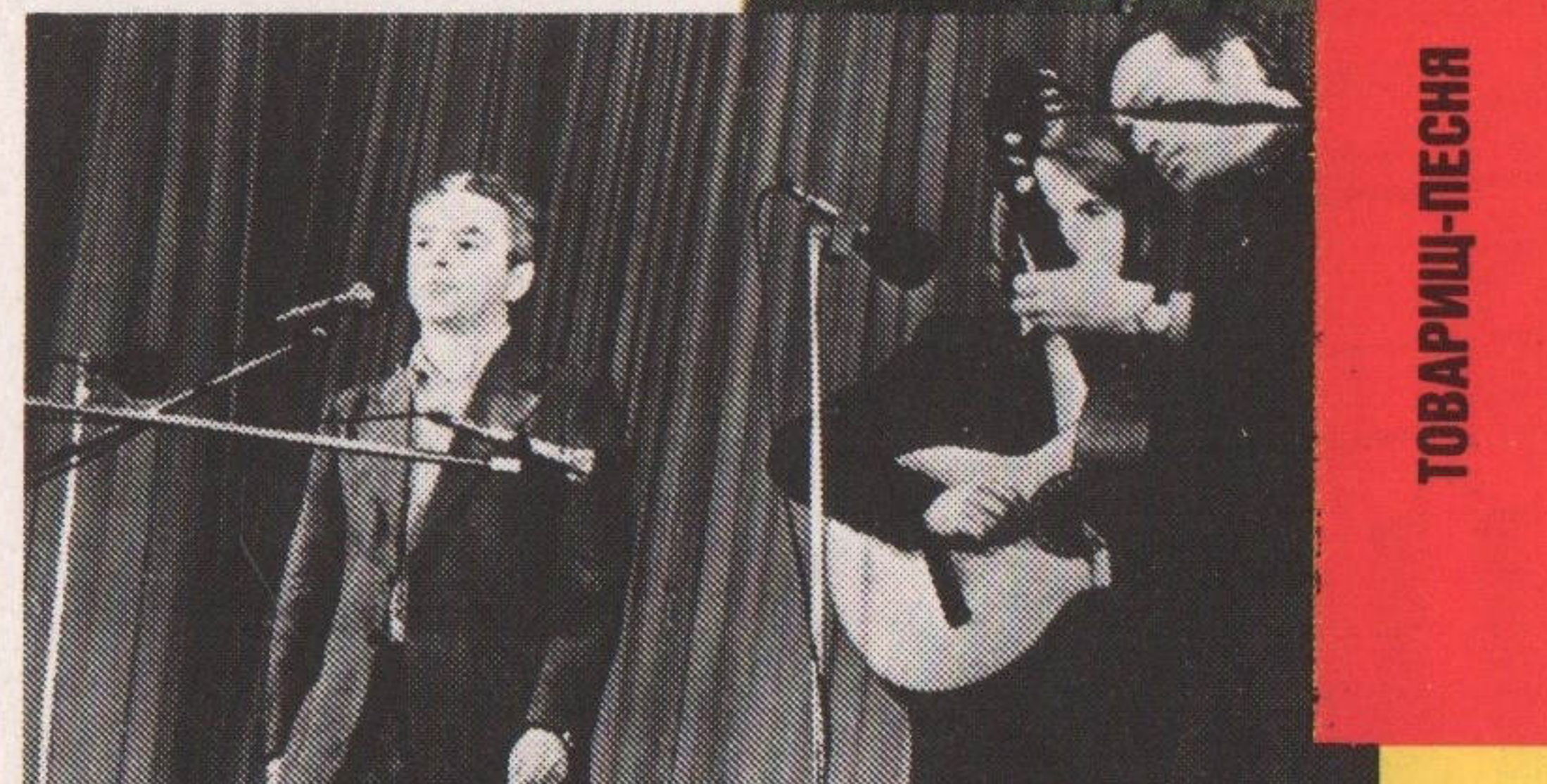
Александру Городницкому пришлось вместе с коллегами впервые в мире просчитать карту мощности твердой оболочки нашей Земли, литосферы, под акваторией Мирового океана. И карта говорит о том, что дно океана живет, что мощность твердой оболочки крайне незначительна и что все мы находимся на плавающих континентах. И это является главным механизмом всех геологических процессов, происходящих на Земле. Городницкий — один из тех, кому удалось сделать несколько карт реконструкции положения континентов и океанов в древние времена. ...Я люблю Городницкого в обеих его ипо-

КТО ВЫ, ДОКТОР ГОРОДНИЦКИЙ?

Фото Алексея Лидова
и из архива А. ГОРОДНИЦКОГО.

На шестой звуковой странице вы услышите одно из стихотворений и две песни А. Городницкого: «У Геркулесовых столбов» и «Предательство» (в дуэте с М. Кане).

ТОВАРИЩ-ПЕСНЯ

стасях. Во-первых, сам мог стать его коллегой: после школы поступил на географический факультет МГУ, и именно на отделение океанологии (не поступил, но все, что связано с Мировым океаном, в том числе путешествия и приключения, меня по-прежнему волнует). А только увижу большой корабль (не судно!), как тут же начинает сосать под ложечкой от нестерпимого желания оказаться на его борту и отправиться в далекое плавание. Во-вторых, мое знакомство с авторской песней, когда я физически ощутил ее животворную и светородящую силу, произошло в мальчишеские годы именно благодаря Городницкому. Можно смело сказать, не улицей мое поколение воспитано, а песней, хотя и улица имела место в жизни с ее синяками и ранами душевными... Вот почему мне захотелось поведать о Городницком...

Истоки творчества Городницкого как ученого и как барда совпали во времени и месту. Да, пожалуй, и по действию. В 1956 году по окончании Ленинградского Горного института он оказался на Крайнем Севере. Работать приходилось и в районе Игарки, и в Туруханском крае, и на Таймыре. Там он слышал много песен. Безымянных. Действительно народных. Которые были написаны разными людьми, в том числе и теми, кто попал туда не по своей воле и совсем не на волю. И то, что они пелись и слушались, натолкнуло Сашу на новую и неожиданную для него, но известную с древности мысль, что песня может быть средством общения. Вот тогда неожиданно для себя он и начал придумывать мелодии на свои стихи. Как-то недавно Городницкий летел из Мурманска. В салон вышел второй пилот и сказал: «Ой, вы знаете, я вас узнал. Хотя с трудом. Вы постарели... Можно, я принесу фотографию нашего экипажа и вы на ней распишетесь? Ведь это вы написали «Кожаные куртки»?» Городницкий сознался. Пилот добавил: «А у нас до сих пор многие считают, что это народная песня и сочинили ее полярные летчики». «Песня полярных летчиков» была написана еще тогда, в 50-х...

— Само явление авторской песни, — считает А. Городницкий, — стало неизбежным и закономерным потому, что все официальные средства были наглухо перекрыты всевозможными главлитами, худсоветами, райкомами, чиновниками, громадой бюрократического аппарата. И человек (который ведь не может же не петь, не выражать себя) вернулся к средневековому, по существу, методам общения. Как Боян, как Садко, как бард, как менестрель.

Авторская песня существовала всегда. И в России тоже. Скажем,

Садко — тот же самодеятельный автор, потому что, как сказали бы сейчас, по основной специальности он числился сотрудником системы внешней торговли в древнем Новгороде. И, если мы вспомним, у него были нелады с администрацией тогдашней, ибо он позволял себе исполнять на каком-то пиру идейно невыдержанные песни. И пострадал.

Вокруг авторской песни возникло огромное движение, охватившее широкие слои нашей молодежи. Вначале — многомиллионную армию туристов, а ведь это и школьники, и студенты, и рабочие, и военнослужащие, и ученые. Затем песне стало тесно на лесных привалах, и тут уж никто из запретителей ничего не смог поделать. Возникло неформальное объединение клубов самодеятельной песни, которое даже в самые черные годы брежневско-сусловской рутины было носителем товарищеских отношений, светлых идей. И движение это выражало готовность поколения принять на себя ответственность за будущее. За грядущую перестройку, если хотите. Авторская песня и такие личности, как Галич, Высоцкий, Окуджава, Ким, Новелла Матвеева, Городницкий, в известной степени оказались духовными провозвестниками, предтечами сегодняшних обновлений.

— Я по натуре оптимист, — утверждает мой собеседник. — И мне очень не хотелось бы, чтобы все это закончилось каким-нибудь провалом или военным путчем. Во всяком случае, я считаю, что наша задача — и моя, и всех людей разного таланта — работать на то, чтобы перестройка осуществилась. Мне очень не нравится все то взрывоопасное, что происходит то там, то тут. Я геолог, много лет работал в Арктике. Самый опасный пожар — это пожар под торфом, под ягелем, когда ты идешь, у тебя подошвы сапог плавятся, а огня не видно. Но если он вырвется наружу, то охватит — на лошади не укачешь. Надо выдержать, уберечь наше революционное время...

Когда ленинградские школьники июньскими ночами после выпускного бала идут к «Эрмитажу» и поют его «Атлантов», он себя чувствует как бы частью Ленинграда, причем куском какой-то архитектуры даже. И такая радость на душе... Но приятно (пусть не покажется странным), когда и автора-то не знают, считая, что это народная песня. Вот так, как «Деревянными городами», как «На материк, на материк». Потому что это значит: песня стала действительно нужной людям. Большого признания, по-моему, быть и не может.

Борис БАРЫШНИКОВ

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

Дорогой «Кругозор»! Нет нужды говорить о том, как популярна у любителей эстрады Алла Пугачева, как моментально подхватываются молодыми ее песни. Хотелось бы иметь в нашей коллекции пластинок «Кругозора» одну из ее новых песен — «Молодой человек, пригласите танцевать».

Студентки В. Золотаревская, Т. Никифорова
г. Минск.

«Нам очень по душе ритмичные, зажигательные песни Олега Газманова. Любим его «Свежий ветер», «Ламбаду», но особенно «Эскадрон». Запишите, пожалуйста, эту песню на пластинку «Кругозора».

Сестры А. и М. Калинины
г. Мурманск

На девятой звуковой странице слушайте песни «Эскадрон» (О. Газманов) и «Молодой человек» (Д. Рубин, А. Иванов). Поют О. Газманов и А. Пугачева. Фото Б. ПАЛАТНИКА и А. ЛИДОВА

Открытие 18-летнего пианиста из Новосибирска Антона Мордасова состоялось на II Всесоюзном конкурсе пианистов имени Рахманинова, который прошел в Москве в самом начале года.

«Нет худа без добра», — думалось мне, когда профессор Виктор Мержанов объявлял Антона победителем и говорил, что все члены жюри единогласно (редчайший случай!) пришли к такому решению. При чем тут «худо» и «добро»? А при том, что антракт между I и II конкурсами Рахманинова

и как ансамблист: второй тур включал в себя романсы и камерные сочинения Рахманинова, третий — выступление с оркестром.

Но все это, как говорится, детали. А главное — отношение пианиста к музыке Рахманинова, ощущение авторской интонации во всем ее богатстве — от нежной, затаенной лирики до безбрежных эмоциональных разливов, от безмятежности до трагизма...

Авторская интонация... К сожалению, в игре молодых пианистов сейчас редко услышишь даже просто осмысленную, выразительную

интонацию. А это значит, что во многом утеряны лучшие традиции русского фортепианного исполнительства, заложенные в свое время Рубинштейном или тем же Рахманиновым. Я вовсе не хочу сравнивать Антона Мордасова с корифеями. Но, право же, есть что-то в исполнительской манере молодого пианиста сближающее его, например, с Сергеем Рахманиновым. Быть может, это сочетание мужественности и лиричности — в мышлении, в звучании инструмента. Именно так сам Антон определяет то, чем близок ему Рахма-

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

На пятой звуковой странице слушайте в исполнении А. Мордасова две Прелюдии С. Рахманинова.

РАХМАНИНОВ,
ЛИСТА
И РОК-МУЗЫКА

нинов. И, кто знает, не это ли имел в виду приехавший на конкурс из Швейцарии внук классика — Александр Колюс, когда вручал Антону на конкурсе собственную премию, подчеркнув, что он выражает не только личный восторг, но и действует как бы от имени своего гениального деда.

Неожиданным и блестящим было появление Антона Мордасова на московской сцене. Но ведь этому, по-видимому, что-то предшествовало? Если обратиться к событиям последних лет, то можно назвать выступление на Всероссийском конкурсе пианистов в мае 1989 года в Кисловодске, где Антон тоже получил первую премию. А до этого целый ряд конкурсов, так сказать, местного значения, которые приносили, как правило, победные лавры. Гастроли в ФРГ, куда пианист был приглашен вместе со знаменитыми новосибирскими скрипачами — Вадимом Репиным и Максимом Венгеровым. Выступления в разных городах нашей страны с оркестром Новосибирской филармонии под управлением Арнольда Каца... Наверное, этот послужной список не так уж мал для выпускника музыкального училища (коим является Антон). Но он совсем невелик, если иметь в виду, что речь идет о музыканте уникального дарования. Что и говорить, провинция у нас страдает не только по линии продовольственного обеспечения! Хорошо еще, что Антону доставляет удовольствие участвовать в местных конкурсах, что в провинции у нас живут и работают замечательные музыканты-педагоги, такие, как Изольда Хворова, к которой Антона привели, когда ему было пять лет (насколько сильно была в ребенке тяга к музыке, свидетельствует, наверное, запись в дневнике, который вела мама Антона: «Любимая игрушка — пианино»)... Такие, как Мэри Лебензон, у которой пианист учился...

Я очень верю в Антона, поскольку вижу в нем не просто человека феноменальной музыкальной одаренности, но и незаурядного характера, благородства, силы воли. Я даже склонна искать подтверждение тому в творчестве композиторов, которых Антон называет своими кумирами, — Рахманинова, Листа, Бетховена. Меня, человека академических пристрастий, не смущает и тот факт, что юноша увлекается рок-музыкой: не только слушает записи, но и сам сочиняет в этом жанре. И в то же время любит Достоевского... Мне это говорит о полноте мироощущения, о духовном богатстве молодого музыканта, выделяющем его среди многих сверстников, которые, быть может, тоже хорошо играют на рояле. ■

О. БОБРОВА

Теперь все позади: обласканная, обцелованная, обдаренная, ошеломленная, она улетила в маленький подню-йоркский Принстон, где живет с 1950 года. Профессор в отставке, вдова знаменитого Ходасевича, поэтесса, автор популярных романов, любимейшая во Франции, читаемая во многих странах Европы «железная женщина», одна из первых познавшая секреты русского масонства, великодушная, простителка, старуха, для многих принстонцев просто Нина.

Приезд Нины Николаевны Берберовой в Советский Союз стал событием культурной жизни. Такой ошеломляющий интерес вызывал мало кто из эмигрантов, приехавших к нам в последнее время. Телевизионные передачи, интервью, публикации ее произведений, встречи с читателями, приемы. Красивая, умная, язвительная, обворожительная, она потрясла абсолютно всех, с кем общалась, кто видел ее на телеэкране. Обвал уникальной информации, которой она одаривала всех, мгновенная реакция на все, даже провокационные вопросы, в каждом взгляде, движении, слове — жизнь, ум, энергия.

Я общался с ней в Америке, проведя полдня в Принстоне, потом в Москве на ее вечерах, у себя дома, в часы записи телепередачи «Зеленая лампа», целый вечер (такой замечательный!) мы провели у Василия Катаняна и Юлии Гейс в квартире Лили Брик. Надо признаться, временами я менял к ней свое отношение: то восхищался, то недоумевал, то возмущался.

Временами она была безапелляционна, резка. Легенды ходят о ее желчной натуре, о ее капризах. Однажды ей показалось, что волшебный союз с Владиславом Ходасевичем грозит перевоплотиться в скуку и повседневность, и она ушла от него. В одночасье, сразу. Сварила ему борщ на три дня, заштопала носки. И ушла. Не знаю, как кому, а мне очень жаль бедного, больного Владислава Фелициановича.

Думаю, что Нина Николаевна простит мне мое брюзжание, если увидит эту публикацию. Я никогда не забуду, какой душевной, внимательной, заботливой она была у себя дома, в Принстоне.

— Вас издают сегодня в самых разных странах. Но скажите при этом, что такое для вас напечататься где-нибудь, скажем, на Огненной Земле или в Москве, ощущаете ли вы разницу?

— Я понимаю, что вопрос ваш иронический. Если же серьезно, я так отвечаю: русский язык для меня — глина на всю жизнь. Хотя я и прожила вдали от родины 67 лет. У меня никогда не было какой-то тревоги, что русский язык улечитится, что я его забуду. Помогало многое, в том числе и чтение советской литературы. Знакомство с текущей советской литературой помогало мне выжить. А знаете, какое для меня было удо-

ЧУДО
НИНЫ
БЕРБЕРОВОЙ

вольствие открыть Олешу и Каверина, блистательных советских писателей?

Многие, конечно, уже прочитали в журнале «Дружба народов» роман Берберовой «Железная женщина». Для еще не искушенных читателей следует сообщить, что героиня книги Мария Игнатьевна Закревская, затем графиня Бенкендорф, позднее баронесса Будберг, а в описываемые в романе годы эмиграции — особа, весьма близкая к Горькому. Еще, как считают, она была в свое время любовницей главы английской миссии в России Локкарта и знаменитого фантаста Герберта Уэллса.

— В книге, — сказала мне Берберова, я не могла говорить о том, что моя героиня была двойным агентом: ГПУ она доносила о Европе, а английской разведке о том, что творилось в СССР. Я не могла говорить об этом потому, что не была уверена. Но теперь эти сведения опубликованы. Когда я села за роман об этой женщине, для меня был очень важен факт приезда Будберг в Москву после смерти Горького. Почему это так важно? Потому что именно она выполнила задание ГПУ и привезла Сталину итальянский архив Горького, а в нем содержалось то, что особенно интересовало Сталина: переписка Горького с Бухариным, Рыковым и другими советскими деятелями, которые, вырвавшись из СССР в командировку, засыпали Горького письмами о злодеяниях «самого мудрого и великого».

Так вот я написала ее дочке письмо с четырнадцатью вопросами, и среди них был один, главный для меня вопрос: «Посещала ли ваша мать Мо-

На третьей звуковой странице — беседа журналиста Феликса Медведева с Ниной Берберовой в ее квартире в Принстоне в США.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

скву между двадцать первым годом, когда она убежала из России, и пятьдесят вторым, когда она официально приехала повидать Екатерину Павловну Пешкову?» И дочь Будберг, запутавшись в ответах, проговорилась. Подтверждение этому я нашла в письме Алексея Толстого к жене Наталье Крандиевской от марта 1935 года, где он сообщает, что Мария Игнатьевна недавно приехала и завтра уезжает. И еще одно подтверждение: нашлась фотография, где Будберг рядом со Сталиным идет за гробом Горького.

— Нина Николаевна, сейчас в России гласность, и писать и печатать можно практически все и обо всем. Но, мне кажется, у вас есть вещи, которые и нынче не преодолит запретов.

— Что вы имеете в виду? А, поняла: мой роман о Чайковском. Да, да, тут я вынуждена с вами согласиться. Думаю, что после опубликования в России «Лолиты» Набокова и «Гоморры и Содомы» Пруста через какое-то количество лет, если Россия вообще будет цела и невредима, на

что я хочу надеяться, и какие-то овощи еще будут там произрастать, я надеюсь, мой «Чайковский» будет опубликован.

— Александр Керенский был свителем на вашей с Николаем Васильевичем Макеевым свадьбе. Вы знали хорошо Керенского. Скажите, сожалел ли он о своей во многом неудавшейся жизни?

— Ну что вы, он был раздавлен, абсолютно раздавлен после выезда из России. Политическая карьера Керенского связана с масонством. Он состоял в ложе, идущей от знаменитой «Гранд Ореан» — «Великий Восток». Да, он соблюдал царские союзы, но Франция была для него, как и для всех масонов, прежде и притом всего. Как же можно было пропустить Францию в такой час? В свое время мне казалось, что Александр Федорович со своей точки зрения прав, ведь немцы стояли под Парижем. Париж пал бы в три дня, если бы русская армия помирилась с немецкой. Он это, конечно, понимал. Поэтому до последнего, до 25 октября семнадцатого года, немцы старались наступать. Не выходило в Карпатах, наступали в Польше. Конечно, с точки зрения русского человека, Керенский мог сказать, что ради французов он дал возможность Ленину захватить власть. Если бы он арестовал Ленина в июле и замирился бы с немцами, революции могло не быть...

Ее диалог с Родиной, в сущности, не прерывался, хотя 67 лет она жила вдали от нее. И не мыслила, не мечтала снова увидеть Ленинград, Москву — Россию. Ни в каком сне.

— Мережковский никогда не смеялся. Бунин хохотал в злобе. В книгах Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены» Бунин выведен превосходно, есть и другие интересные странички. Саму Ирину Владимировну не видела, не удивляйтесь, с тридцать девятого года, помню ее тонкой, изящной блондинкой. О Николае II: 95 процентов населения держал в темноте, не прощаю ему — до чего довел страну. В Марине Цветаевой было что-то трагическое от рождения. С людьми ей было страшно трудно, и с близкими, и с чужими она была как будто с другой планеты. Для нее все было не так. Она сама творила вокруг себя драмы. Из-за тяжелого характера многие от нее отворачивались. Считаю, что во всей эмиграции гением был только Набоков. Из нынешних советских писателей не знаю почти никого. Ким? Не знаю. Татьяна Толстая? Не знаю. Петрушевская? Не читала. Анастасия Цветаева — не знаю. Меньшевики — это ведь только одно поколение. Их давно уже никого нет в живых. О сталинских лагерях далеко не все в эмиграции знали и верили, что они есть. Думали, что это все пропаганда врагов Сталина. Федор Раскольников явно покончил с собой, выбросился утром из окна. Из современной музыки очень высоко ставлю и ценю Шнитке.

Совершенно потрясена Ленинградом. Его провинциальностью. Как же можно до такого состояния довести великий город?! Пobleклые дома, обшарпанные, запущенные, все заколочено, подколочено, в дверях торчат гвозди, двери болтаются, в подъездах грязно и страшно. Не то, что было когда-то. Конечно, люди грели душу, их тепло, внимание ко мне не

забудется. И, конечно же, примирил меня с Ленинградом вид из моей гостиницы: вид на мосты, Адмиралтейство, залив, на расстреливающие дворцы. За один этот вид все можно отдать. В эмиграции мы никогда не говорили о будущем, будущее было для нас темно. Но мы ошиблись.

— Нина Николаевна, в предисловии к тому стихов Ходасевича в Большой серии «Библиотека поэта», только что изданном у нас, написано: «22 июня 1922 года Ходасевич вместе с молодой поэтессой Берберовой покидает Россию и через Ригу прибывает в Берлин. Начинается жизнь, полная скитаний, поисков работы, часто почти нищенская и почти всегда трагическая». А что было дальше, как вам жилось?

— Я думаю, что все это чуть-чуть преувеличено. В Берлине в это время собралось неимоверное количество русских, и мы не чувствовали себя так одиноко и убого, как может показаться неискушенному человеку. Ходасевича, который был уже популярен в России, все привечали. Среди издателей были его друзья. Нас печатали, надо было только не лениться, работать. Однажды Ходасевич уговорил меня взяться за перевод знаменитого романа де Лакло «Опасные связи». За этот перевод я получила свой первый гонорар.

Жилось, конечно, нелегко, немецкая марка все падала и падала и уже ничего не стоила. Жизнь стала невыносимой, мы переехали в Саар, где жил Горький. Я скажу вам об одной детали, о которой крайне редко рассказываю. Но именно она решила все. Ходасевич все время думал, что пройдет год, два, и мы вернемся, но прошло три года, и истек срок действия наших так называемых красных паспортов. Их номера были, кажется, пятнадцатый и шестнадцатый. Первый вроде бы значился за Эренбургом. Одними из первых мы законным образом выехали из России и таким же законным образом хотели вернуться. Так что, когда Ходасевич собрался в консульство, я была спокойна и даже не хотела с ним идти. Я была уверена, что визы нам продлят.

Из консульства мы вернулись убитые: нас известили, что паспорта выданы на три года и что мы немедленно, чуть ли не завтра же, должны покинуть пределы Франции. Ходасевич почувствовал, что нам отрезают путь. И сразу же как будто по чьей-то команде перестали приходить переводы на получение гонораров за пьесу, которая с огромным успехом шла в Малом театре. Ходасевич был переводчиком пьесы, но деньги, до этого регулярно высылаемые из Москвы, нас очень поддерживали. Так вот, оказывается, был (не знаю, гласный или не гласный) закон: не продлят паспорта тому, кто брал его на год или на два. Так что это только в легенде, что Ходасевич якобы сказал: «Я эмигрант, и я не поеду в Россию».

Да, это мой крест, то, что я жила в чужой стране. Конечно, вы можете возразить: у вас успех, вас издают повсюду, вы знамениты. Но все это случайности. Случайность, что я дожила до моих лет. А мой успех, издания, мой приезд в Москву, наконец, — это тоже все чудо, неожиданное чудо.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Много ли у нас в стране можно купить на сорок рублей?

Очень много. Четыре билета на «Пинк Флойд», например. Это если на самую верхотуру, откуда и в билнокль ничего не видно. Но если вы, как говорится, не фанат, сможете приобрести на эти деньги что-нибудь позарез нужное, например, один зимний сапог.

Студентам-гуманитариям предлагается на сорок рублей прожить целый месяц. Рубль тридцать три копейки в день! Но и это, прямо скажем, нищенское «вспомоществование» имеют не все. Более 700 тысяч студентов вообще ни копейки не получают. Согласно давнему постановлению правительства, только 74 процента студентов обеспечено стипендией. Конечно, помогают родители. Хотя не очень-то радостно здоровому, сильному парню сидеть на шее у папы и мамы. Но как же наши «малоимущие» студенты, которые порой просто голодают, как же они умудряются руки-ноги не протянуть?

По-разному. Способов увеличить скудный бюджет предостаточно — фантазия студентов неистощима. Мне самому за пять лет учебы на факультете журналистики Московского университета приходилось разгружать вагоны на вокзалах, подметать территорию детского сада, сторожить стройку, отмечать рейсы самосвалов. Доводилось и стекла мыть, и стены красить. Нельзя сказать, что сводил концы с концами, но как-то выкручивался.

Большой беды в этих «трудовых семестрах» не вижу. Студенческое братство сильно взаимной поддержкой. Удобные, так сказать, рабочие места, расположенные недалеко от общежития или от учебного заведения, передаются по наследству, из рук в руки. Получил такое «наследство» — считай, повезло. Устройство на работу — дело непростое, хлопотное, подчас унижительное.

Во-первых, не везде студента возьмут. Бывает, что там, куда ты нацелился устроиться на работу, уже оставил после себя недобрую память твой нерадивый предшественник. И начинаешь, махнув рукой на самолюбие, убеждать суровую тетю-кадровика, что ты совсем не такой, ее не подведешь. Но подобные номера с этими видами тетями не проходят. Разве что действительно отчаянно нужны твои рабочие руки.

Во-вторых, для того, чтобы поступить на работу, нужна справка, выданная учебной частью вуза. А получить ее тоже не так-то просто. Иногда приходится убеждать начальника или инспектора курса, что ты действительно бедствуешь, остро нуждаешься в средствах для

О БЕДНОМ СТУДЕНТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Сможет ли парень дотянуть до стипендии? Ивану Наседкину удалось запечатлеть на снимке момент, когда все проблемы отступают перед одной — что целесообразней: поужинать сегодня или позавтракать завтра? Нелегкий выбор предстает человеку, для которого Московский университет стал не только местом учебы, но и работы, причем явно не по будущей специальности...

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

мало-мальски сносной жизни — как будто из размеров твоей стипендии это не вытекает. И потом учиться нужно без троек — иначе можешь не получить справку. Такой вот дополнительный стимул к учебе.

Быт вузовской молодежи требует от нее столического характера и мужества. На совместном заседании Комитета народного контроля СССР и Комитета Верховного Совета СССР по делам молодежи приводились убийственные факты. Только 80 процентов студентов в стране обеспечены общежитием. Около 600 тысяч из них снят на полу, мыкаются ночами в коридорах, вузовских читальных залах, в умывальных комнатах.

Ну, а если обзавелся семьей да еще появился ребенок, то сколько наваливается, кажется, непреодолимых забот. Где взять деньги, чтобы снять квартиру? Вузы семейным общежитием не предоставляют. Кто будет опекать ребенка? Ведь и отец, и мать — студенты. Не будешь же посещать лекции по очереди. Значит, переводиться на заочное отделение? А как обеспечить ребенка витаминами? Это мы, взрослые, можем перебиваться крупами да картошкой. А ему требуются фрукты круглый год.

Рисуя такие жалостные картинки студенческого житья-бытья, прекрасно понимаю, что не так-то просто повысить студентам стипендию. Ситуация такая в стране — не сразу сообразишь, кому помогать в первую очередь. Едва до пенсионеров руки дошли — хоть им-то, всю жизнь проработавшим на благо общества, жить будет полегче. А ведь есть еще инвалиды, «афганцы» в том числе. Есть просто нищие и малоимущие. Миллионы нужны, сотни миллионов. Дополнительные средства просят и требуют министерства и комитеты, предприятия и учреждения — всем не хватает, все хотят жить лучше и работать в лучших условиях. Но, увы, государственные фонды не бездонная бочка.

И все-таки государство о студентах вспомнило. 7 апреля нелегкого девяностого года Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли постановление, включающее в себя 12 пунктов и направленное исключительно на улучшение материально-бытовых условий нашего студенчества. Вроде бы ничего не упустили: и образование фондов социальной помощи признали целесообразным, и размеры их ограничиваться не будут, а остатки не будут изыматься в бюджет, и кредиты в 2 тысячи рублей на десятилетний срок, Сбербанком СССР предложенные, разрешили — правда, только для семейных и чтоб не младше третьего курса; Министерству культуры, Госкомспорту и республикан-

ским Советам Министров рекомендовали установить для студентов и учащихся скидки на билеты «в целях расширения доступа» — и об этом не забыли и вообще приняли очень много всяческих необходимых мер, «разрешающих» и «развязывающих руки». И стипендию все-таки повысили — с сентября 1991 года по 60 рублей студенты будут получать.

Постановление, на мой взгляд, просто замечательное — говорю без всякой иронии. Но... Ох, уж это «но» — никак без него не получается! Так и тянет вернуться к тому, с чего начал: а купить-то что на эти шестьдесят рублей в условиях рыночной экономики? Даже на те богатства, о которых сказано выше, боюсь, не хватит. Вот и получается: ни о чем не забыли, все болячки зеленой помазаны, результат — как мертвому припарки.

Меня еще такие вопросы давно занимают: почему еще в школе, с младых ногтей, делаются попытки привить нашим детям азы какой-нибудь профессии — шофера, телефониста или слесаря, хотя большинство из них наверняка будут заниматься потом чем-то другим? А в высшем учебном заведении, куда человек приходит учиться вполне определенному ремеслу, он чаще всего занимается чем угодно, только не тем, что имеет отношение к его будущей профессии. Месяц-полтора ежегодной летней практики не в счет. Это ведь ничто в сравнении с пятью годами ежедневного подметания улиц. В результате мы выпускаем инженеров, все свободное от учебы время проторговавших соком, педагогов, промахавших метлой, и т. д. Несерьезно. Неразумно.

В Комитете народного образования это понимают. По его предложению Совет Министров СССР принял Постановление о контракции между студентами и предприятиями на подготовку специалистов и дальнейшее гарантированное их использование. Для того чтобы отношения между заводом, вузом и студентом строились на взаимовыгодной основе.

Радоваться пока рано. На практике контакты между вузами и предприятиями только нащупываются. Но уже сам факт этого вселяет надежды: неужели действительно кто-то за голову взялся и задумался, как помочь нашим мыкающим долгие годы студентам? Правда, пока речь идет о студентах технических вузов. А как быть гуманитариям — будущим философам, филологам, преподавателям, библиотекарям, журналистам? Продолжать размахивать метлой?

Владимир МАРТЫНОВ

Фото И. НАСЕДИНА

На второй звуковой странице: о многочисленных трудностях, подстерегающих студента, — из первых уст.

Наверное, большинство имен и названий песен в этом выпуске нашей «Дискоотеки» окажется читателям незнакомыми, хотя их роль в истории современной поп- и рок-музыки трудно переоценить. Дело в том, что негритянские песни, как правило, становились известными в США (и уж тем более за рубежом) не в оригинальном исполнении, а в интерпретации белых певцов, специально подобранных фирмами грамзаписи. Возникло даже специальное обозначение для такого типа интерпретации — «cover» (от английского глагола «покрывать», «скрывать»).

Непосредственным поводом для распространения ансамблевого пения на негритянской эстраде послужил запрет профсоюза музыкантов записывать на пластинки инструментальную (и вокальную — с сопровождением) музыку. Профсоюз добивался того, чтобы музыканты смогли получать отчисления в соответствии с количеством проданных пластинок. Между прочим, подобная проблема до сих пор не решена нашей фирмой «Мелодия».

Негры, приученные с детства петь хором в церкви, быстро сориентировались в сложившейся ситуации и... стали изображать ин-

На фото: ансамбли «Дрифтерз» и «Кловерз»; картины художника М. Ромадина «Джем сешн» и «На концерте Майлса Девиса».

ДИСКОТЕКА
В СТИЛЕ «РЕТРО»

ПО ИХ ПЕСНЯМ УЧИЛИСЬ ПЕТЬ «БИТЛЗ»

струменты голосом — так, как это всегда делалось джазовыми импровизаторами. Вспомним Луи Армстронга. Причем до этого, скажем, «Братья Миллз» и другие вокальные ансамбли просто пели хором, а в середине 40-х пригодился опыт блюза и джаза — солист исполнял «песню», обладатель фальцета вторил ему без слов, а двое других изображали отсутствующую ритм-секцию — контрабас, барабаны — при помощи разных звукоподражаний, одно из которых и стало впоследствии названием этого стиля — «ду-вап». Мужские вокальные квартеты в стиле «ду-вап» получили распространение во всем мире, далеко за пределами США — и у нас (особенно в Прибалтике и в Грузии), и даже в Японии.

Вокальные квартеты с «птичьими», «цветочными» и «автомобильными» названиями уже на рубеже 40—50-х годов приносили американским фирмам грамзаписи огромные доходы. В 1950 году братья Эртегун, владельцы быстро набравшей силу компании «Атлантик», впервые в истории подписа-

ли контракт с негритянским квартетом из Вашингтона «Кловерз» (от слова «клевер»). «Кловерз» был популярен прежде всего в негритянской среде.

В 1959 году квартет записал свой последний шлягер, но именно он принес певцам известность и за пределами США — шуточную песню знаменитого содружества двух авторов — Джерри Либера и Майк Столлер — «Любовный эликсир номер 9». По этой песне учились петь хором будущие участники «Битлз» и многие другие впоследствии прославившиеся британские рок-группы.

Но самыми популярными «ду-вап»-квартетами стали «Дрифтерз» («Бродяги») и «Коустерз» («Любители быстрой езды»). Хотя для первого писали опытные профессионалы Док Помус и Морт Шуман, репертуар квартета и исполнительская манера были в целом очень неровными, и в отличие от «Любителей быстрой езды» их состав постоянно менялся.

Сильной стороной «Бродяг» всегда были певцы-солисты: сначала Клайд Макфэттер, а позднее Бен И. Кинг; впоследствии каждый из них успешно выступал как солист. Макфэттер оказал огромное влияние на польского певца и композитора Чеслава Немена, создавшего под влиянием негритянского певца первый в истории рок-музыки удачный симбиоз славянской и афро-американской музыкальных традиций. «Последний танец мы танцуем вместе» — характерный пример творчества «Бродяг» — лирическая, по-европейски мелодичная песня с заметным влиянием латиноамериканской самбы.

Особенностью второго квартета, для которого также писали Либера и Столлер, было умение разыгрывать песню в лицах так, что простая мелодия превращалась в своеобразную, часто комическую историю. Задолго до возникновения рок-музыки они спели о конфликте отцов и детей — одной из основных тем будущей рок-музыки. Спели, впрочем, в легкой, шуточной форме — как, например, в песне-сценке «Чарли Браун» о столь знакомом всем персонаже — школьнике-проказнике. ■

ДМИТРИЙ УХОВ

На одиннадцатой звуковой странице — песни «Любовный эликсир номер 9» (Дж. Либера, М. Столлер), «Последний танец мы танцуем вместе» (Д. Помус, М. Шуман) и «Чарли Браун» (Дж. Либера, М. Столлер) исполняют ансамбли «Кловерз», «Дрифтерз» и «Коустерз» (записи 50-х годов).

Свой четвертьвековой юбилей в 1987 году группа «Роллинг Стоунз» отпраздновать вместе не удалось. Группа перед этим распалась, и, казалось, навсегда. Мик Джеггер к тому времени выпустил две сольные пластинки. Соло-гитарист Рон Вуд — тоже. Барабанщик Чарли Уоттс собрал «команду» британского джаза, который исполнял музыку старых добрых времен.

Гитарист Кит Ричардс успешно справлялся с ролью продюсера, в том числе и негритянской певицы Ареты Франклин. Бас-гитарист Бил Уаймен исправно вел дневники, куда заносил все, что имело отношение к истории группы, и, судя по всему, намеревался издать мемуары. Но через два года выходит пластинка группы «Роллинг Стоунз» — «Стальные колеса». Это как бы намек на то, что группа готова совершить международное турне.

«Роллинг Стоунз» — остаются последними из легендарных могикан рок-н-ролла 60-х, из числа тех, кто создавал эпоху превращения американского подросткового танца в современный рок, в универсальный музыкальный язык молодежи разных стран. Однако в большинстве случаев «Роллинг Стоунз» считают вечно вторыми — следом за «Битлз». Между тем никакой конкуренции между ними не было и не могло быть, поскольку «Битлз» с самого начала представляли рок как эстрадное Искусство (и писали это слово с большой буквы). А «Роллинг Стоунз» так и осталась просто рок-группой.

Точно найденное название «Роллинг Стоунз» — это и намек на рок-энд-РОЛЛ, это и английский эпитет, соответствующий нашему нелестному определению вроде «перекати-поле» или «проходимцы» (да-да!), и в то же время намек на пословицу «падающий камень мхом не обрастает». Нечто похожее на наше «под лежащий камень вода не течет».

«Камни» катятся вот уже 27 лет и в самом деле ничуть не обрастают мхом! Как поют сами участники группы, в каждой их вещи — полное единство слов и музыки, сценического образа и самой жизни, юношеского максимализма и творческой энергии. В отличие от «Битлз» образ «Катящихся камней» найден менеджером, он был прямым продолжением жизненной позиции артистов, мальчиков с плотно сжатыми кулачками, саркастически улыбающихся тогда, когда за иронией и насмешкой приходится скрывать и смех, и слезы. Все, что происходило с ними или вокруг них, сразу же стали «окрашивать в черные тона» (это слова их же песни). Брайан Джоунс, один из основоположников группы, та-

инственным образом утонул в бассейне в присутствии друзей, сразу же после того как был исключен из коллектива. Но он уже давно не отвечал за свои поступки, что было следствием наркотиков. Это документально подтверждено блестящим фильмом Жана-Люка Годара «1+1»...

Во время выступления «Роллинг Стоунз» в Альтамонте (США) был убит один из зрителей. Эта история нашла подтверждение в документальной киноленте братьев Мэйсл, названной по песне «Где бы мне укрыться?».

Не всем нравилось, когда Мик Джеггер сопровождал песню «Удовлетворение» весьма недвусмысленными телодвижениями. Но, несмотря на это, зрители до сих пор продолжают слышать в его песнях призыв к равноправию, к сопротивлению, к отстаиванию своей позиции, наконец.

Состав «Роллинг Стоунз» отличается поразительной стабильностью — четверо участников группы играют в ней с самого начала, лишь Брайана Джоунса сменил Мик Тэйлор, а в середине 70-х на это же место пришел Рон Вуд — вот и все. Вряд ли это случайность. Наверное, секрет все-таки в песнях, в самой музыке. Не слу-

чайно сольные работы участников группы продолжают все ту же линию — «просто рок-н-ролла».

Скоро, будем надеяться, нам предстоит воочию убедиться в том, как умудренные жизненным и сценическим опытом, не отравленные деньгами и славой пятидесятилетние (почти что!) артисты завоевывают стотысячные стадионы. Быть может, как раз потому, что им нравится рок-н-ролл. ■

Д. ПЕТРОВИЧ

На седьмой звуковой странице в исполнении группы «Роллинг Стоунз» вы услышите песни из альбома 1989 года «Стальные колеса»: «Страшно», «Любовь слепа» и «Не снимай шляпу» (М. Джеггер, К. Ричардс).

ПАДАЮЩИЕ КАМНИ
МХОМ НЕ ОБРАСТАЮТ

«И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку».

Бытие, 2, 22

Э то было несколько позже общеизвестного грехопадения, когда Творец за невозможностью совместного проживания и аморальное поведение выслал молодых из рая, лишив их при этом всякой материальной поддержки. Еву это, впрочем, не особенно удручало.

— Без стариков лучше жить, — говорила она, — никто тебе не указывает. Я теперь сама хозяйка.

Адаму же размышлять вообще было некогда. Он от зари до зари трудился в поте лица своего, чтобы прокормить Еву, детей и себя. Но если бы только эта забота тяготила Адама!

Однажды он вернулся с поля в хорошем расположении духа.

— Несмотря на трудные погодные условия, урожай удался, — сказал он, принимаясь за миску похлебки. — Послушай-ка, Ева, а ты здорово научилась готовить. Как новый очаг, что я сложил? Не дымит?..

Он взглянул на жену и осекся. Ева тихо плакала. Адам осторожно отложил в сторону миску вкусной похлебки.

Плачущая Ева была великолепна. Она низко наклонила голову, и густая, аккуратно подрезанная челка скрыла ее лицо. Из-под челки тихо, как звезды в осеннюю ночь, падали слезы. Они блестели на стройных и смуглых округлостях колен, как те прозрачные камни, что Адам иногда находил в соседнем ручье. Ее нежные беззащитные плечи...

Да нет! Никакой современный язык не в состоянии рассказать о том, как была прекрасна единственная во всем первозданном свете женщина!..

Адам забыл о похлебке.

— Что случилось, Ева? — сказал он, пытаясь взять ее за локоть. Она вырвалась, миска при этом опрокинулась. С обедом было покончено. Ева зарыдала сильнее.

— Слушай, это невыносимо, — простонал Адам, — или ты скажешь мне, в чем дело, или... — Тут он замолчал, потому что не знал, что «или».

— Ты сам должен знать, — после долгой паузы всхлинула Ева, — не притворяйся!

— Да что знать? О чем это ты? — Не поднимая головы, Ева сунула руку в пачку пальмовых ветвей, лежавших рядом, и достала небольшую книжонку с надписью на обложке «Происхождение человека».

— Вот, — сказала она, протягивая ее мужу, — читай! Оказывается, ты произошел от обезьяны и скрыл это от меня!

Адам взял книжку и опустил ее на камень.

— Опять этот змей приходил? — тихо спросил он. — Это змей книжку принес? Ну, доберусь я до него когда-нибудь!

Полистав странички, Адам вздохнул:

— Ну и что? Подумаешь, открытие! Да, я — человек и, естественно, произошел от обезьяны.

Ева всплеснула гибкими руками: — Нет, вы только посмотрите на него! Естественно! Да почему ты мне-то ничего не сказал об этом?!

— А зачем тебе знать? Что бы изменилось?

— Я бы еще подумала, выходить ли мне замуж за тебя! А теперь мои дети будут родственниками обезьяны! Кошмар!

Ева снова зарыдала.

Адам сидел молча. Он уже успел узнать, что возражать жене в таких ситуациях и бесполезно, и небезопасно.

— Теперь мне понятно, — сквозь слезы говорила Ева, — откуда у тебя все эти грубые замашки.

Теперь все как на ладони! И вот еще — шерсть на груди! Как я раньше не догадалась! Боже мой, я досталась животному!

Тут и Адам, несмотря на свое первобытное терпение, не выдержал:

— Ах, так? Да пораскинь мозгами: если я произошел от обезьяны, в чем я, впрочем, ничего плохого не вижу, то и ты...

Но тут он осекся, озадаченный. Слезы у Евы моментально высохли, в глазах вспыхнули злые огоньки. Она резво вскочила на ноги и помчалась у него перед носом пальчиком с острым розовым ноготком без маникюра:

— Не выйдет! Меня ты не втянешь в свою хвостатую семейку! Все знают, что меня сотворили из твоего ребра, значит, я произошла уже от человека. А вот ты — от обезьяны! Если бы я только знала!

С этими словами Ева, нетвердо ступая по траве, удалилась в шалаш. Адам проводил ее глазами. Как она была великолепна, Ева прямоходящая, даже без высоких каблучков!

Адам поднялся и, как зачарованный пошел следом. Из кустов выполз Змей. Он ухмыльнулся и, прижавшись к тростниковой стенке шалаша, стал подслушивать. Сначала он ничего не мог разобрать, потом услышал шепот Евы:

— ...Но ты всегда должен помнить!

— Хорошо! — ответил Адам.

— Ты должен всегда говорить мне только приятное, делать подарки и приносить цветы, и уступать место, и пропускать вперед, и кланяться, и поддерживать под руку, и всегда помнить...

— Я согласен, милая, — прошептал Адам, — конечно, конечно!

Садилось за лес покрасневшее солнце. Бесшумно скользнул и исчез в густой траве Змей. Началась эпоха эмансипации. ■

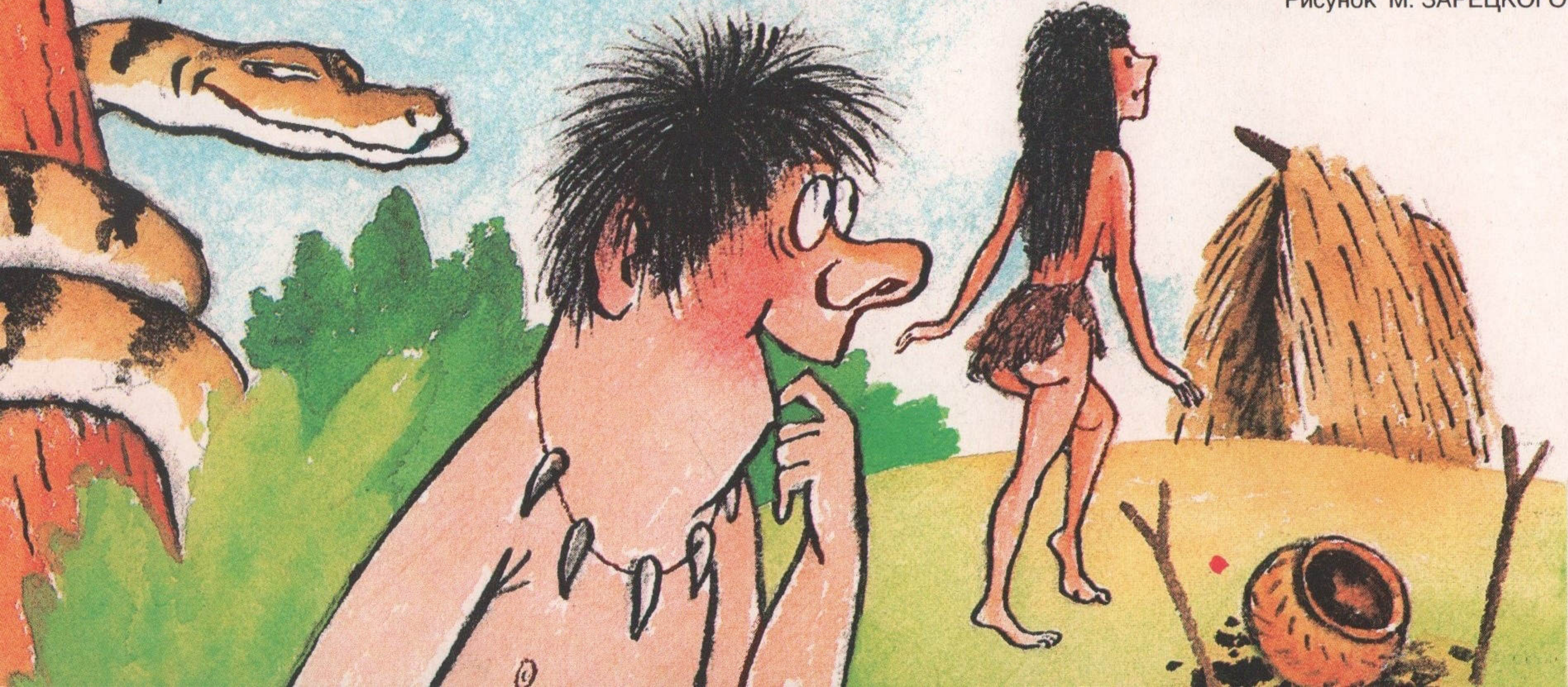
Дмитрий МОРОЗОВ

ПОПУЛЯРНО
О БИБЛИИ

Рисунок М. ЗАРЕЦКОГО

ЕВА И АДАМ

Из цикла «Библейские были»

8 (317) август 1990 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1990 г.

На первой странице
обложки —
фото А. Лидова

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.06.90.
Подп. к печ. 25.06.90.
Б 06108.

Формат 84 × 108 1/8.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Уч.-изд. л. 3,50.
Тираж 210 000 экз.
Зак. 2485.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
☎ Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН.
Редакционная
коллегия:
Б. Б. БАРЫШНИКОВ,
Е. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. РОЩИН,
А. Я. ЭШПАЙ.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

ДАЕШЬ ПЕРЕСТРОЙКУ!

Уроки потерь и промашек
Сегодня особо важны,
Чем меньше мы — нашим и вашим,
Тем крепче здоровые страны.
Ведь нас перестройка крутая
Призвала — крути не крути —
Все хаты, налипшие с краю,
Расставить на Главном пути.

Эрик Тулин

Пусть я не открою Америк,
Но нынче — не то, что вчера.
Вам я говорю это, Эрик,
Певец ускоренья: пора!
Весна наступила в апреле,
Мы энтузиазмом горим!
Мы все как-то сразу прозрели
И смело в грядущее зрим!
Повсюду кипящая стройка
Должна по-другому кипеть.
Сейчас нам нужна перестройка,
Иначе, друзья, не поспеть!
По-новому сеем и пашем,
Повсюду работа идет!
А если мы — нашим и вашим,
Так дело теперь не пойдет!..
Уже перестоились МХАТЫ,
Должны уж и мы как-нибудь...
И с краю налипшие хаты
Поставим на правильный путь!
Поэты, даешь ускоренье!
Идет наше дело на лад.
И это вот стихотворенье —
Весомый, по-моему, вклад!

ПРО НАШ НАВОЗ ДА ИХНИЙ АНЖЕЛОС

Тут не город Анжелос,
Не страна Бразилия,
Просто клунья, да навоз,
Да моя фамилия.
Даже местный агроном
Не хочет в Бразилию.

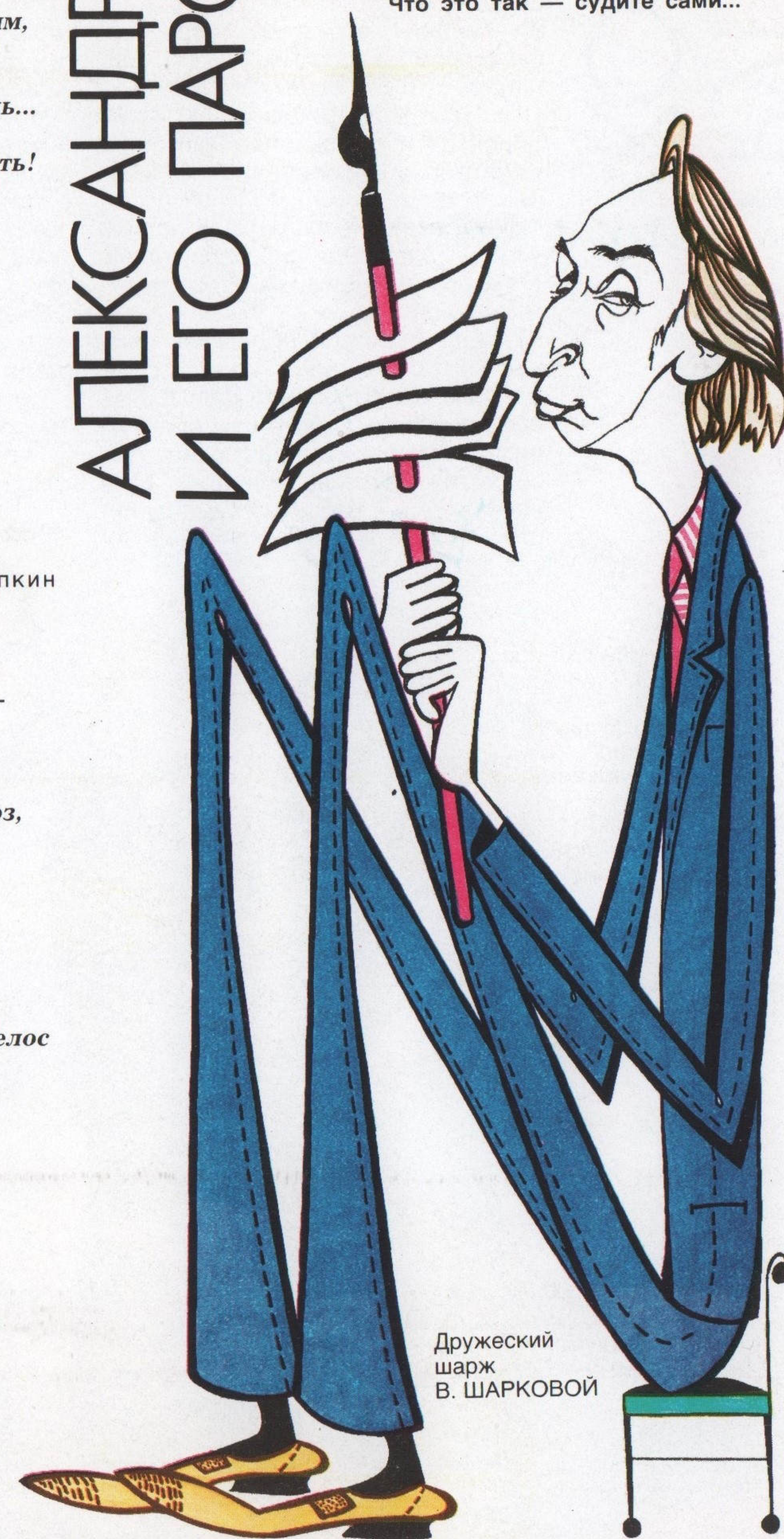
Николай Тряпкин

Ох и чудо наш колхоз —
Анжелос удивится!
Клунья, Дунья да навоз —
Мне ужасно нравятся!
Что такое Анжелос?
Слышал песню в школе я,
В общем, тот же наш колхоз,
Может, чуть поболее.
С урожаем погорим —
Обуваем валенки.
С агрономом говорим,
Сидя на завалинке.
Задаю ему вопрос,
Нашему Василию:
— Может, съездишь в Анжелос
Али там в Бразилию?
Он, тряхнув копной волос,
Сипнет от усилия:
— Не поеду в Анжелос,
Не хочу в Бразилию!
— Отчего ж, — пытаю я, —
Так туда не хочется? —
Он, сердешный, как змея
Над жаровней корчитя.
Агроном, гляжу, дошел
От мово вопроса-то.
Говорит: — С ума сошел!
Али тут не досыта?!
Головой опять потряс
И добавил жалобно:
— Там хуже, чем у нас:
Там работать надобно!..

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ И ЕГО ПАРОДИИ

СМЕХ В ЗАЛЕ

Дружеский
шарж
В. ШАРКОВОЙ

П ародия — жанр столь же древний, как и само искусство. В русской и советской литературе оно имеет давние и добрые традиции. Достаточно вспомнить таких знаменитых, умных и острых пародистов старшего поколения, как А. Архангельский, С. Васильев, А. Раскин, А. Флит. И в наше время молодая плеяда пародистов продолжает прививать высокий и требовательный вкус читающей публике.

Александр Иванов — один из известнейших наших пародистов. Вот уже почти тридцать лет его остроумные и веселые пародии публикуются на страницах центральных газет и журналов. Он автор 8 книг, ставших поистине бестселлерами в своем жанре, лауреат премии «Золотой теленок», учрежденной «Литературной газетой», человек, одно появление которого на эстраде или телеэкране вызывает улыбку и радостное оживление аудитории.

Пародистом Александр Иванов стал, как он сам говорит, совершенно случайно и неожиданно, как для себя, так и для окружающих. Судьба сулила ему совсем другое предназначение. Коренной москвич, выросший в семье художника, Саша поддерживал семейные традиции, окончил художественно-графический факультет педагогического института, преподавал студентам начертательную геометрию, черчение, рисование. И, между прочим, писал стихи, как многие в этом возрасте. И вот однажды, решив подразнить друга, который на дух не выносил поэзии Игоря Северянина, Иванов написал ему шуточное посвящение в манере этого поэта. К его удивлению, легкомысленные, как он сам считал, стихи оказались самой настоящей пародией. С тех пор им написано 900 пародий и примерно 700 эпиграмм. И едва ли не каждая пародия, образно говоря, «зажигает красный свет» перед такими еще бытующими в литературе явлениями, как безвкусица, мелкотемье, рифмованная болтовня, панибратское, а то и пиратское отношение к классикам. Потому-то и страшатся его острого пера многие поэты.

Что это так — судите сами...

РАССКАЗ НОВОБРАЧНОГО (Владимир Высоцкий)

Гуляет в юбочке бордо
Кассирша Вера.
И занимается дзюдо
Она, холера.
Ее в магазине у нас
Все опасались.
Но в пенсальник с пьяных глаз
Мы расписались.
Во вторник, в среду и в четверг
Я продержался.
Наш дворник Федя Розенберг
Все поражаюсь.
И в пятницу курам на смех
Был трезвый вроде...
А Зинка, стерва, мне при всех:
«Гляди, Володя...»
Все говорили: «Баба — страх!»
Но я уперся.
И вот в субботу на бровях
Домой приперся.
Я трезвым драться не люблю,
Скажите, братцы...
Но ежели я во хмелю,
Куда ж деваться?
Само собой пошел скандал
Промежду нами.
И тут я что-то ей сказал
Об ейной маме...
Ведь как-никак во мне семьсот
И пива сколько...
А я гляжу — ее трясет,
Ну смех, и только.
Тут как-то я ее назвал,
Но не обидно.
А дальше в памяти провал —
Заснул, как видно...
Очнулся в гипсе, как святой,
Хуже медведя.
А был когда-то холостой.
Ты помнишь, Федя?..

На десятой
звуковой странице
Александр Иванов
познакомит вас
с новыми пародиями
и эпиграммами.

